

ОГОНЕКЪ

№16 - 1918г.

ВЗРЫВЪ ВЪ КІЕВѢ.

Рисунокъ для „Огонька“ худ. В. МИХАЙЛОВА-СЪВЕРНАГО.

6 іюня въ 3 часа въ городѣ раздались одинъ за другимъ вѣскольکو оглушительныхъ взрывовъ. Отъ сотрясенія воздуха во многихъ домахъ даже отдаленныхъ кварталовъ не осталось ни одного цѣлаго стекла. Въ городѣ началась страшная паника, люди въ испугѣ бросились бѣжать во всѣ стороны, большинство устремилось къ вокзалу и въ смятеніи врывалось въ отходящіе поѣзда.

Отъ взрывовъ артиллерійскихъ складовъ начались пожары, которые угрожали складамъ химическихъ снарядовъ. Все предмѣстье, около 200 домовъ, взлетѣло на воздухъ.

Жертвы велики. Весь Кіевъ въ теченіе часа былъ окутанъ облакомъ дыма. Звенѣли стекла, зданія шатались, какъ отъ вѣтра, раздавались крики женщинъ и плачь дѣтей. Осколками стеколъ и взлетавшими въ городъ снарядами поранено много жителей.

Взрывъ разрушилъ нѣкоторые монастыри до основанія. Вся площадь, занимаемая Выдубицкимъ и Троицкимъ монастырями, представляетъ картину полного разрушенія. Нѣтъ почти аршина земли, гдѣ бы ни находилось снаряда. Валяются трупы коровъ, лошадей, кошекъ, собакъ и домашнихъ птицъ. По первымъ исчисленіямъ, 13 тысячъ человекъ осталось безъ крова и имущества. Найдено много труповъ людей и обуглившихся костей.

По поступившимъ военному министру первоначальнымъ свѣдѣніямъ и по справкамъ предварительнаго дознанія взрывъ не вызванъ злымъ умысломъ.

Выдача „ОГОНЬКА“ для розничной продажи:
ВЪ ТИПОГРАФИИ ЖУРНАЛА: Государственная Типография, Гатчинская, 26, входъ со двора,
и въ Конторѣ „ОГОНЬКА“ — Невскій пр., 50 (уг. Садовой).

Кристалльное небо. Лазоревый мер-вещий свѣтъ.

Небо распростерлось надъ лѣнливо дремлющимъ Петроградомъ какъ огромное бѣльмо.

Весна идетъ къ концу по-сидѣнными шагами — да ужъ и про-шла: вотъ лѣто. Никто не видалъ весны, — никто не приметитъ и лѣта...

Такъ же въ распахнутыхъ, свѣтлыхъ, сторожкія ночи, съ румянымъ краемъ безсоннаго неба, бахаютъ оглушительно ружья нашей, выражаясь по опереточному, севильской стражи; такъ же кого-то и куда-то везутъ; та же жестокость. Тупая всеобщая звѣрность.

До бѣлыхъ ли ночей.

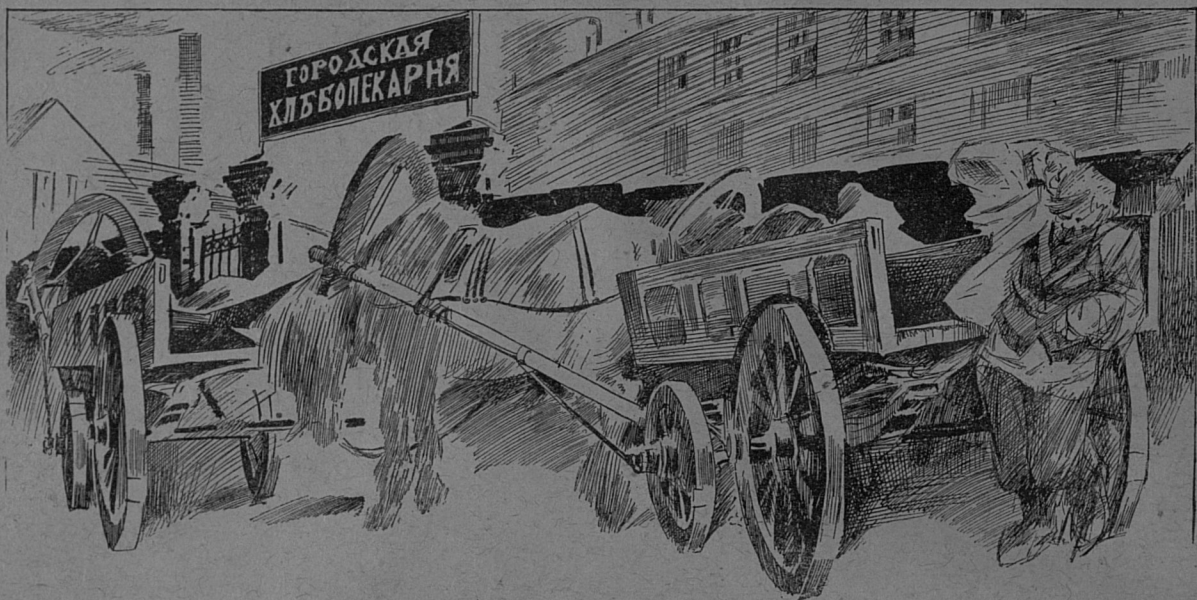
* * *

Бѣлая ночь у общественной хлѣбопекарни. Скоро утро. У кирпичныхъ воротъ посеребренные свѣтомъ дремлютъ понуро клячи.

Отвѣсили губы, и на слюнь нестерпимо, какъ на алмазахъ, сіяютъ дробинки свѣта.

Бѣлый, въ рыжихъ крапинкахъ, коняка напоминаетъ въ этотъ гусьменный, волшебный часъ какого-то статуи-наго величествен-

Петроградскія зарисовки АВГУРА.

Иллюстраціи худ. Г. ГУРЬЯНА.

наго коня, высѣченнаго изъ каррарской глыбы, изъ благороднаго мрамора.

Даже возчикъ, парень изъ джутоваго мѣшка рубахъ и распахнутой жилеткѣ, обшитой изумруднымъ сукномъ, содраннымъ, очевидно, съ какого-нибудь кабацкаго билліарда, кажется монументально благороднымъ, просто-на-просто онъ заспанъ и мало дерябнулъ ядовитой ханжи въ сосѣднемъ, заугольномъ трактирѣ.

* * *

Скоро вынесутъ первую дымящуюся артію голоднаго хлѣба. Финскій ки-кеб, отъ, изготовляемый — Богъ знаетъ — изъ какого «торжества химіи», уступаетъ почтительно мѣсто пите-скому хлѣбу...

То и дѣло угорѣло выскакиваютъ на порожекъ замучившіеся пекари.

На бѣломъ пологѣ четкаго свѣта видны ихъ разомѣлныя фигуры. Отъ спинъ, лопатокъ, замаслившихся потомъ лбовъ поднимается свѣтлый явственный парокъ. Хлѣбъ, выпекаемый пополамъ съ кукурузной прокислой, какой то провизительной мукой и усиками не то вовсюжка, не то овса, въ выпечкѣ развиваетъ такіе ѣдкіе, знойные газы, что людей бросаетъ у жерла печей въ дрожь...

Одурѣло они мечутся за дверь и подолгу глядятъ, тяжело дыша, на свѣтлое небо, на дальній румянецъ вишневаго отѣнка, восхитительно покрасившій склонъ неба.

* * *

Каменный городъ спитъ.

Гранитный желудокъ его во снѣ ворчитъ... Скоро утро. Нуженъ хлѣбъ.

Его и готовить въ печахъ огромнаго на-г-г-а.

Какая удивительная смѣсь. Европа и земля печенѣговъ.

Датскія печи, герметически захлопывающіяся съ тонкимъ расчетомъ выпекающихъ каллорій. И вовсюжно-земляной хлѣбъ!

Хлѣбныя формы, краухи и удлиненные батоны, ползущія изъ на диво придуманныхъ металлическихъ формъ; и запахи барды,

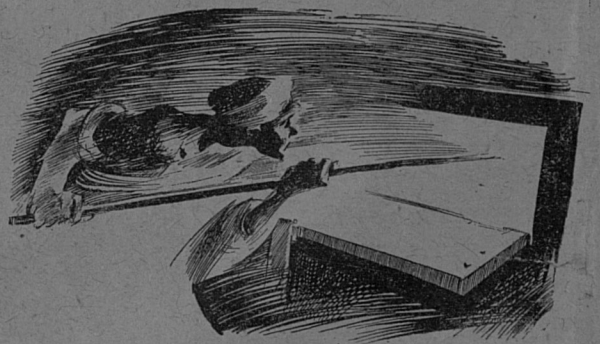
чимъ воздухомъ. Свѣжесть свѣтлаго неба, кажется, успокаиваетъ его.

Расчихавшись, онъ почти добродушно говоритъ:

— Вотъ какъ православный табачекъ завариваемъ!..

Внутри пекарни ползутъ шкивы, на которыхъ въ коробкахъ подаютъ изъ нижняго этажа въ верхній — уже готовый, испеченный хлѣбъ, посылающій въ этомъ крохотномъ лифтѣ запахи удушья во всѣ стороны.

Многія ковриги такъ и не вылѣпливаются и снова рассыпаются.

Тогда ихъ яростно, съ сердцемъ, мнутъ и снова задѣлываютъ въ формы или начинаютъ машинку, выпихивающую ихъ обратно въ видѣ огромной ограненной на четыре канта папирсной гильзы!

На парящихъ ясеневыхъ доскахъ выносятъ этотъ угрюмый и странный хлѣбъ къ конямъ, грузятъ на телѣги, покрываютъ брезентами. Хлепчутъ кнуты, дергаются клячи, — ровно гробы медленно везутъ.

* * *

Невская застава.

Ночь еще лежитъ на прозрачномъ своемъ брюхѣ и сторожитъ покой слободокъ, слѣпившихся въ рабочей стань.

Такъ угрюмо здѣсь!

Подъ мостками, поросшими по бокамъ крапивою и желтенькими болотными цвѣточками, плещетъ отмытая вода съ завода; — запахъ окалины и перегрѣтаго чугуна, да

См. прод. на 3-ей стр. обложки.

312 нмз

Рукописи, присланные без обозначения условий, оплачиваются по определению редакции. Возвращение рукописей необязательно. Редакция просит фотографов-любителей и профессиональных присылать отчетливые снимки выдающихся событий. Помещенные в журнал фотографии оплачиваются по принятой редакцией расценке.

ЕЖЕДЕЛЫЙ художественно-литературный ЖУРНАЛ **ОГОНЬКЪ**

Годъ изданія II-й.

Цѣна „Огонька“
въ розничной продажѣ:
въ Петроградѣ 75 коп.
въ Петроградѣ 80 коп.
на ст. жел. дор. 85 коп.
—
Редакція „Огонька“
Петроградъ, Офицерская ул.,
№ 54.

№ 16

Воскресенье, 23 (10) июня 1918 г.

№ 16

Перепечатка литературного, художественного и фотографического материала „Огонька“ безъ полнаго указанія источника воспрещается (законъ 20 марта 1911 г.).

Разсказъ А. В. АМФИТЕАТРОВА.

Забренчалъ телефонъ. Подхожу. Трубка окликаетъ меня голосомъ звучнымъ, но, слышно: пожилой женщины.

— Не узнаете?
— Виповать....
— Лорощъ! А еще старый пріятель...
— Простите, но... съ кѣмъ имѣю честь?...
— Нѣтъ, нѣтъ, вы догадайтесь!

Начинаю слышать въ веселѣющихъ тонахъ голоса какъ бы что то знакомое, но давнее, давнее... А голосъ, съ веселою укоризною восклицаетъ:

— Ахъ, вы! Про одну сестру анекдоты печатаешь, другой узнать не можешь!

Тутъ меня осынило. Говоря высокимъ слогомъ, повязка спала съ моихъ глазъ или въ данномъ случаѣ, вѣрнѣе, ушей.

— Марья Павловна! Васъ ли слышу?

— Она самая къ услугамъ в шимъ. Непзносимая старуха Урошничъ.

— Ну, ужъ и старуха! На комплиментъ напрашивается.

— Нѣтъ, это вы пытаетесь выдерживать прежній тонъ и говорите комплименты... Улы, поздно, голубчикъ!... Слу-

шайте: какъ бы намъ повпдаться?... Выберите свободную минутку навѣстить.... Знаю, знаю, что заняты....

Иллюстраціи для „Огонька“, худ. И. А. ВЛАДИМИРОВА.

Говорила Марья Павловна Урошничъ, еще не такъ давно—оперная примадонна, звѣзда первой величины, ярко блиставшая четверть вѣка на лучшихъ русскихъ сценахъ, хорошо извѣстная и въ Европѣ какъ прекрасная исполнительница Вагнера. Театръ она покинула лѣтъ десять тому назадъ—отнюдь не потому, чтобы съ голоса спала или публикѣ перестала нравиться, а потому, что выросла, выучила и выпустила на сцену дочь, которую она считаетъ еще голосистѣе и талантливѣе, чѣмъ сама была въ молодости.

Когда-то мы съ Марьей Павловной были большіе пріятели. А въ недавнемъ разсказѣ «Бѣглянка», который напечаталъ я въ «Огонькѣ», *)—каюсь: вывелъ, подъ именемъ Дунички Алымовой, родную сестру Марьи Павловны, Агабью Павловну, особу съ

несчетнымъ количествомъ фамилій и еще большимъ—приключеній.

*) См. № 12-й „Огонька“.

«...—Дивница! Умница! Красавица! Тебя ли вижу?!...»

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЛЕНИНГРАДЪ

нмз

Теперь, повидавшись с Марьей Павловной Урошич и получив от нее разрешение рассказать причудливую романтическую биографию ее сестры, я не нуждаюсь больше в псевдониме и возвращаю Дунечку Алымовой ее истинное имя Агаша Урошич, ее похороненное в странном бѣгствѣ, которое увлекло ее из родительского дома вслѣдъ за бродячимъ монахомъ-самозванцемъ, сборщикомъ Пафнутіемъ...

Пропавшую сестру свою Марья Павловна впоследствии нашла за границей, замужемъ, въ весьма приличныхъ житейскихъ условіяхъ, до которыхъ Агаша дошла путемъ самыхъ разнообразныхъ испытаній и перемѣнъ состоянія. Кое что изъ этого забавнаго калейдоскопа я хочу рассказать читателямъ—въ точной передачѣ, какъ повѣствовала мнѣ Марья Павловна.

* * *

Съ большимъ любопытствомъ разспрашивала Марья Павловна Агашу, какъ это случилось, что она влюбилась въ Пафнутія настолько страстно, чтобы ради стараго бродяги броситься въ скитальческую нищенскую жизнь безъ крова надъ головою?

Она отвѣчала:

— Ну, вотъ! Совсе я нисколько не была въ него влюблена! Развѣ можно было въ него влюбиться? Такъ... нашло!

— Нашло—это я понимаю... Но «нашло»—минута, а ты съ нимъ ушла и скиталась цѣлые годы...

— Я вовсе не за нимъ ушла,—возразила Агаша, помолчавъ. — Гдѣ ему было меня увести! Онъ мною командовать никакъ не могъ, а, напротивъ, ужасно какъ меня боялся и во всемъ слушался. Это только видимость была, что онъ велъ, а скорѣе я его за собою тащила будто на незримой веревкѣ... А меня какой то духъ мчалъ. Не умѣю тебѣ сказать, но тогда меня такъ охватило этою бродяжескою жизнью, что душа пылала, ноги не стояли на мѣстѣ, подошвы горѣли: все бы я шла да шла, смотрѣла да смотрѣла и чтобы люди, природа, вся жизнь летѣли предо мною, какъ, вотъ, теперь бываетъ на экранѣ въ кинематографѣ... Позднѣйшая жизнь моя была пестрая, какъ ситецъ, и скучать въ ней было мнѣ некогда. Однако эти два года, когда я скиталась бѣглымъ монашкомъ и смѣялась внутренне въ лицо каждому встрѣчному и каждого встрѣчнаго трепетала, — остались для меня самымъ счастливымъ временемъ. Не знаю, чего бы я ни дала за наслаждение повторить нѣкоторыя минуты... Но то, что хорошо, повторяется только въ театрѣ, на сценѣ,—въ жизни никогда...

Бѣгство Агаша произошло при такихъ обстоятельствахъ. За нѣсколько дней до того она сильно поссорилась съ мачехою и надерзила ей бѣшено. Такъ, что та пригрозила:

— Если не уймешься, не посмотрю на твои лѣта: запру въ чуланъ, какъ

маленькую,—авось, подумаешься въ темнотѣ, паединѣ съ мышами.

Агаша браниться перестала, но, въ отвѣтъ на угрозу, нарочно убѣжала—безъ спроса—въ рошу:

— Запирай, дескать, если можешь!

Забрела подальше въ лѣсъ, сѣла на придорожный пенъ и выплакалась всласть подъ зеленымъ шатромъ вѣковыхъ дубовъ, надъ зеленымъ ковромъ мховъ пушистыхъ и бархатныхъ, среди зеленыхъ стѣнъ орѣшника, подъ чириканье пташекъ, радостныхъ солнечному утру, синему небу, веселому дню... Плачетъ и, сквозь слезы, слышитъ: кто то бредетъ къ ней тропою со стороны лѣса, самъ съ собою бормочетъ, отдувается, да вдругъ какъ запоетъ:

иъ.

«...Не оамуй... Я тебя не черкешенка!—пробормотала она отстраняясь...»

— Опоясана цвѣтами,
Сходить къ намъ съ небесъ Весна,
И молодыми красотою
Улыбается она....

Агаша такъ изумилась, что даже слезы мигомъ высохли на глазахъ ея; голось, хриповатый и густой, дьячковскій, что называется «козлитонъ», но довольно выразительный и вѣрный, былъ—отца Пафнутія, котораго почитали утопшимъ! А вслѣдъ за голосомъ вывалился изъ за кустовъ на тропинку и самъ отецъ Пафнутій, въ порывѣлой скуфейкѣ своей и линяломъ подрясникѣ, съ обильнымъ колеблющимся чревомъ и ликомъ, круглымъ и румянымъ, какъ заходящее солнце. Идетъ, переваливается уткою и цвѣтеть улыбкою совершенной благосклонности къ матери-природѣ и ко всему, чтобы она ни послала ему навстрѣчу въ это майское утро, когда воздухъ такъ счастливо радостенъ и юный лѣсъ такъ живительно хорошъ....

Агаша смотрѣла на Пафнутія съ раскрытымъ ртомъ, въ такомъ недоумѣніи, что даже не успѣла испугаться: привидѣніе предъ нею или живой человѣкъ?—Пафнутій изумился не менѣе. Но сію же минуту ослабилъ еще благодушнѣе и устремился къ Агашѣ съ распростертыми руками, вопія:

— Дѣвица! Умица! Красавица! Тебя ли вижу?! Сто лѣтъ—сто зимъ! Почеломкаемся!

— Ты то самъ откуда?—засмѣялась, отстраняя его, Агаша.—Ишь,—скажите на милость!—живой! А люди врутъ, будто тебя похоронили...

— Ну, вотъ! Куда такъ больно скоро? Я еще самъ всѣхъ ихъ, вруновъ, похороню.

— Да, вѣдь, ты же утопый! Весь городъ видѣлъ, какъ ты на дно пошелъ!

— Ужъ и на дно! Чего я тамъ не видѣлъ? Раковъ, что ли, или—не въ лѣсу сказать—водяного демона? Покупался малость некстати, это правда, и рѣкою съ версту несло. О льдины обколотило—Господи ты Боже мой! Какъ только памяти не лишился! И спиной то, и грудью, и теменемъ то! А тамъ—Богъ-отъ милости къ младенцамъ своимъ—пригнула матушка Стрыя на мель: вылѣзъ, высохъ, вышилъ—даже и не болѣлъ....Ну, а покуда мы, слава Создателю, не потонули, ни како иначе померли,—какъ ты, дѣвица, живешь—перевертываешься? Дома что у васъ? Цѣлы? Здоровы?

— Чего намъ дѣлается,—возразила Агаша, мрачнѣя отъ воспоминаній о домѣ,—гниемъ въ трущобѣ, какъ лѣсные бѣсы. Жизни никакой не видимъ, такъ хоть бѣсть, да толстѣть.

Пафнутій зорко посмотрѣлъ на нее изъ-подъ безбрового лба, кивнулъ скуфейкою и сказалъ:

— Дѣвица! Ты въ огорченіи? Кто обидѣлъ? Не тапсь, облегчи тоску, расскажи,—я тебѣ веселое слово шепну и мигомъ тебя утѣшу.

Съ мачехою поругалась,—сквозь зубы буркнула Агаша,—да какъ.... до зеленыхъ бѣсовъ!

— Съ мачехою?—протяжно пропѣлъ Пафнутій, дѣлая серьезное лицо и зачесавъ въ затылкѣ.—Съ самою! Понимаю! понимаю! Ухъ!

Ехидна
Съ крыльевъ смерть и смрадъ трясетъ,
Ногами солнце претъ;
Отенетя вокругъ всю ошибами сферу,
Горящу въ воздухъ прыщеть сѣру,
Холмить дыханьемъ понтъ,
Летѣть ночь на горизонтъ,
И движеть ось всея вселенны.
Бьются всѣ смертные сматенны
Отъ сей княгини тьмы и крокодильныхъ стадъ.

— Ужъ именно, что княгинею крокодильныхъ стадъ быть ей надо!—невольно разсмѣялась Агаша. А Пафнутій обрадовался:

— Ага! Смѣешься, заря? Видишь, я говорилъ тебѣ,—утѣшу. А скорбь твою понимаю и раздѣляю, поелику грозныя сея Семирамиды самъ трепещу, яко огня палящаго...

— Что же ты, если боишься ея, бродишь здѣсь такъ близко усадьбы? Смотри: признаетъ,—она на тебя собакъ спуститъ...

— А что мнѣ собаки?—съ величайшимъ презрѣніемъ возразилъ Пафнутій. Подумаешь, не кусали меня собаки! Да меня однажды, на Кавказѣ, три овчарки трепали: чабаны еле отбили, — фунта три мяса отѣли, проклятыя, ей-ей!

— Съ тобою на Кавказѣ, кажется, всё чудеса приключались, — улыбнулась Агаша, — которые бываютъ и которые не бываютъ?

А Пафнутій горячо подхватилъ:

— Потому что этотъ край есть самый удивительный на семь свѣтѣ! Гдѣ чудесный край — тамъ чудеса!

И, поднявъ торжественно руку, зачиталъ умиленнымъ голосомъ:

— Я зрѣлъ, какъ ясною порою
Тамъ солнечны лучи, средь льдовъ,
Средь водъ, играя, отражаясь,
Великолѣпный кажутъ видъ;
Какъ въ разноцвѣтныхъ разсѣваясь
Тамъ брызгахъ, тонкій дождь горитъ;
Какъ глыба тамъ связятарна,
Навѣясь, смотреть въ темный боръ,
А такъ заря златобагряна
Сквозь лѣсъ увеселяетъ взоръ...

— Твои стихи? — съ загорѣвшимися сочувственно взглядомъ спросила Агаша.

— Ну, гдѣ мои! — съ сожалѣніемъ возразилъ Пафнутій, — Гавріила Романовича.

— А! — отозвалась Агаша съ нѣкоторымъ разочарованіемъ: всѣ давніе стихи она почитала чѣмъ то вродѣ черствого хлѣба...

А Пафнутій продолжалъ учительно:

— Россія, милая ты моя дѣвушка, есть вѣнчикъ міра, а Кавказъ — вѣнецъ Россіи... поняла? Горы великія, лѣдныя, — яко тронъ Господень, рѣки стремительныя — яко снѣга играющіе. лѣса дремучіе съ ними состязаются въ шумахъ, поютъ ангельскую хвалу: святъ, святъ, святъ!.. Изъ ущелій дымы синіе струятся, а подъ дымами сакли бѣдныя, черныя, но полныя неопѣннаго сокровища: прекрасной породы человѣческой... Мужчины хороши, женщины еще лучше...

Черкешенки, грузинки милы,
У коихъ зарныя уста,
Бровь черна, жилъ по тѣлу синихъ
Сквозь виденъ огонь и красота,
А на грудяхъ, какъ пухъ выбучихъ,
Лилій кусты и розъ пахучихъ
Манятъ къ себѣ и старцевъ длань...

Агаша засмѣялась и сказала:

— Это тоже Гаврило Романовичъ сочинилъ?

— Онъ самый.

— Ишь! Я думала, онъ важный, а — выходитъ — озорникъ!

Пафнутій сокрушенно вздохнулъ:

— Кто изъ насъ не озорникъ, дѣвушка? Единъ Богъ безъ грѣха, а люди — всѣ Адамовы дѣти, всѣ грѣшныя... А ваша сестра съ прелестями своими на то и введены въ міръ, чтобы были въ немъ соблазны, а человекъ съ соблазнами боролся бы и, побѣждая ихъ, выходилъ въ праведники...

Пафнутій мечтательно засмѣялся, щелкнулъ пальцами и, сощуривъ глаза, зачиталъ уже на иной ладъ:

Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ Тисскій,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки Россійски
Подъ свирелью пастушка?
Какъ, скл ниясь гл вами, хоятъ,
Башмаками въ ладъ стучать,
Тихо руки, взоръ поводятъ,
И плечами го орятъ?
Какъ ихъ лентами златыми
Челы бѣлыя блестятъ,
Подъ жемчугами драгими
Груды нѣжныя дышатъ?
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется розовая кровь,
На ланитахъ огневыхъ
Ямки врѣзала любовь!

«...Раньше свѣта пловцы причалили немного выше уѣзднаго города...»

— И то, впрямь, озорникъ, — улыбнулась Агаша, — ишь, какимъ непосѣдою уродился: на всѣ вкусы. То ему черкешенки милы, то и нашими русскими доволенъ...

— А чѣмъ наши русскія плохи? — даже какъ бы обидѣлся Пафнутій. — Не уступятъ никому во вселенной! Первая въ мірѣ красота! Ты хоть по своей усадьбѣ взгляни: картина на картинѣ... Что ни курочка, то и цыпочка!

— То то ты и крутишь около, точно коршунъ.

— Желѣзо — и то магнитомъ манится, такъ сердцу ли не влечется къ женской красотѣ? А ты, Агашенька, изъ всѣхъ магнитовъ — самый магнитный! — неожиданно восклицаніемъ повернулъ вдругъ онъ. Схватилъ ее руку и зачиталъ:

— О красавица любезна!
Не бѣги меня, мой свѣтъ,
Что млада ты и прелестна,
А я дурень, старъ и сѣдъ.
Взглянь на розы и лилеи:
Лель изъ нихъ вѣнки плететь.
Вкругъ твоей пріятель шеп
Розовый и бѣлый цвѣтъ!

А Агашѣ, подъ журчащіе стихи, чудилось, будто къ рукѣ ея, и въ самомъ дѣлѣ, магнитно прилипло раскаленное желѣзо и передаетъ ей въ кровь мучительный жаръ свой...

— Не балуй!.. Я тебѣ не черкешенка! — пробормотала она, отстраняясь.

А онъ сѣлъ рядомъ — на тотъ же пенекъ — и восклицалъ:

— Лучше! Въ тысячу разъ лучше! Весь Кавказъ исходитъ, но тебѣ подобной не видѣлъ! Прекрасенъ сей земной рай, но тебя тамъ недостаетъ, дѣвица! Много ангеловъ въ раю, но одинъ, прекрасныйшій, — Денница имя ему! — низвергнуть на землю. Но — что вспоминать Кавказъ? Не мѣстомъ — красота, а красотою — мѣсто. Зашли тебя хоть въ тундру зырянскую — даже и тундраную ночь ты освѣтишь и украсишь собою и обратишь въ кавказскій день!

— Слушай, — сказала она, съ усиленіемъ отталкиваясь отъ него, — не мели пустого... лучше слушай... я

тебѣ — за твои стихи — тоже стихи скажу... свои...

А онъ тянулся къ ней и — видя, что она стала блѣдная, какъ снѣгъ, и дрожитъ лихорадкою, — бормоталъ:

— Скажи... скажи... удивительная!

Но она уже отмахнулась головою:

— Нѣтъ, не могу... нехорошо... стыдно!

И закрыла лицо руками.

Тогда Пафнутій осторожно взялъ ее за локоть:

— Чего стыдишься, дѣвица? Подружка, поди, читаешь же? Вообрази, что я твоя подружка, и читай...

— Нѣтъ, нѣтъ... Я не знаю, что со мною дѣлается... Мыслей не соберу, слова путаются... Стыдно!

Онъ уговаривалъ, она отмахивалась головою и, закусивъ губу, горѣла, сквозь опущенныя рѣсницы, пожаромъ глазъ, одичалыхъ въ непонятности нахлынувшей буйной тревоги.

— Нѣтъ, нѣтъ... ужъ лучше я тебѣ покажу на бумагѣ... самъ прочти...

— Инъ, давай хоть на бумагѣ... При тебѣ они?

— При мнѣ... погоди.. я достану... отойди... отвернись...

Но Пафнутій остановилъ ее:

— Слушай, дѣвушка, — произнесъ онъ, при чемъ какъ-то сразу и устался на нее вносящими желтыми глазами, и бѣгалъ ими по сторонамъ, — мѣсто сіе, тобою избранное къ уединенію, хотя и глухое, но, все же, проходное, придорожное... Пройдетъ мужикъ или баба,

увидеть монаха съ дѣвицей вдвоемъ въ лѣсу, подумаютъ нехорошее и разнесутъ дурную славу... Отойдѣмъ отъ тропинки... Извѣстенъ мнѣ здѣсь по близости овражецъ нѣкакій, водами пѣвучими прорытый, древесами лелѣемый...

Возсядемъ на травномъ коврѣ, зеленомъ,
На берегу шумящаго ручья,
Подъ тѣнносвѣстнымъ, лаплистнымъ кле-
номъ...

Возсядемъ—и никто не помѣшаетъ: ты возглаголешь, я внемлю и двояко сладокъ будетъ мнѣ гласъ твой, подвтору птицѣ и жужжанію пчелъ, собирающихъ медъ съ дубравныхъ цвѣтовъ. Берегись лишь, чародѣйная, дабы не была принята ими за прекраснѣйшій изъ цвѣтовъ алая сладость несравненныхъ устъ твоихъ!..

* *

Недѣлю спустя послѣ этой встрѣчи Пафнутій поджидалъ Агашу на той же тропѣ, верстахъ въ трехъ глубже въ лѣсѣ. Здѣсь они своротили въ лѣсную чашу, долго шли цѣликомъ, кустами, папоротниками, чепыжникомъ, выпугивая изъ подъ ногъ зайцевъ, ужей и лягушекъ и смущая бѣлокъ на вѣтвяхъ надъ головами. Выбрались на телѣжную колею, которою и поплелись. Подъ вечеръ отдыхали, на закатѣ опять пошли тою же колею, переждали темныя сумерки до луны, а съ луною шли уже всю ночь до солнышка, покуда не выбрались къ рѣкѣ Стрѣбѣ. Пафнутій здѣсь, за годъ, принасъ въ тростникѣ челночишко и въ слѣдующую ночь, они поплыли по теченію. Плыли такою дѣбрю, что видѣли рысь, спокойно лежавшую на толстомъ сукѣ, надъ водою, сабдя зелеными равнодушными глазами за пробѣгавшимъ челнокомъ, котораго она даже не испугалась. Раньше свѣта пловцы причалили немного выше уѣзднаго города, въ который и вошли, еще крытые предутреннею мглою, подъ звонкое пѣніе первыхъ пѣтуховъ.

Здѣсь огородами прибрели къ усадьбѣ нѣкихъ купцовъ Улановыхъ, очень благочестивой и бездѣтной супружеской пары, уже старыхъ стариковъ, о которыхъ по уѣзду шла молва, какъ о потайныхъ сектантахъ—едва ли не хлыстахъ. Пафнутій ручался за нихъ, какъ за самыхъ вѣрныхъ своихъ друзей и покровителей: скорѣе, молъ, я самъ проврюсь, чѣмъ они насъ выдадутъ. И, дѣйствительно, бѣглецы прожили два дня въ улановской банѣ на огородахъ, никѣмъ не видимые и не подозрѣваемые. А когда хо-

злева пришли навѣстить скрывающуюся, Агашу очень изумило, что они какъ будто вовсе не были удивлены ея появленіемъ, а отнеслись къ ея бѣгству, какъ къ дѣлу, самому обыкновенному въ ихъ быту, и очень хвалили ее за то, что она возлагаетъ на себя крестъ странническаго подвига. Тутъ именно и совершилось превращеніе Агашы въ мальчика-послушника, въ скуфейкѣ и подрясничкѣ. Агаша сама попросила Пафнутія остричь ее, что тотъ и исполнилъ—хотя и съ великимъ огорченіемъ—преогромными портняжными ножницами, ровняя скобку по одѣтому на голову горшку. Во время стрижки Агаша горько плакала по чуднымъ косамъ своимъ, но, когда увидала себя въ зеркалѣ черноволосымъ кудрявымъ мальчишкой, такъ понравилась себѣ, что въ мигъ развеселилась и божилась, будто никогда въ

пріобрѣтать, онъ богачемъ былъ бы. Ты не можешь вообразить себѣ, какъ его люди любили и сколько было у него друзей, готовыхъ раздѣлить съ нимъ послѣднюю копѣйку—только попроси. Да и безъ просьбъ. Мы вѣдь не все грошиками питались. Случалось гостить и у такихъ радѣтелей-благодѣтелей, что ежели Пафнутій не хочетъ сто-рублевку въ руки принять, такъ они ее ему за пазуху заткнутъ, за воротъ сунуть и ужъ кланяются-кланяются: возьми, хороший человѣкъ, не обезсудь!.. Вотъ, мы и идемъ потомъ по Руси богачами: что ни встрѣчный нишій, то ему полтина либо рубль... А главное:

— Водку пьешь?

— Была бы милость поднести!..

— Иди за нами! Угостимъ.

Случалось—такъ и подбираемъ, по большаку отъ села до села человѣка за человѣкомъ. Къ питейному или трактиру подходимъ—прямо—будто войско какое-нибудь или крестный ходъ: столько валить за нами убогой братіи... ужъ истинно, калики перехоже! Охочъ народъ на вино то—особенно, ежели даровое...

Я возразила:

— Да, вѣдь, противно же, что всѣ пьяные?

Агаша отвѣчала:

— А—какъ тебѣ сказать? Пьяныхъ, конечно, было много, но—всѣ ли отъ вина, не знаю... Я, напримѣръ, хмѣльного въ ротъ не беру, Пафнутій, въ мое время, пилъ очень мало... Нѣтъ, это—такъ... радость вольной жизни пьянила... отъ воздуха, солнца, хорошаго дня, отъ многого

народа, отъ легкаго хода... Пѣсни поемъ, кричимъ до самаго неба... Пафнутій изъ своего Державина читаетъ, какъ труба гремитъ:

Смотри, какъ цѣпью птица станицы
Летятъ подъ небомъ и трубасть;
Какъ жаворонокъ вверхъ парятъ;
Какъ гусли тихи, вѣдь цѣвницы,
Звенятъ ихъ гласы съ облаковъ;
Какъ ключъ шумитъ, свирѣль взываетъ,
И между всѣхъ ихъ пробѣгаетъ
Свистъ громкій соловья!

Я тебѣ говорю: такой восторгъ подымался,—душа изъ тѣла рвалась, тѣло изъ платья... Не преувеличиваю.. Одинъ разъ такъ и было: взяли—и покидали съ себя одежду: пусть насъ воздухъ обнимаетъ, солнышко грѣетъ!.. И пошли—кто въ одной рубахѣ, кто вовсе голый... верстъ пять такъ брели проселками. Встрѣчные—кто ругается, кто смѣется: что вы, оглашенные, или вышли опохавать коровью смерть?—а кто поглядитъ-посмотритъ, да и завидно станетъ—самъ увяжется за нами... Пока

«...— Во время стрижки Агаша горько плакала...»

то, пока образумило народъ холодкомъ: время то было хотя и майское, да губернія то Пермская: солнышко печетъ, а на лужицахъ подъ пяточкой льдинки

— Агаша,—перебила Марья Павловна сестру, возмущенная,—да вѣдь стыдно!... Вѣдь, вы же были люди работоспособные...

— Но не работоохочіе, — засмѣялась Агаша.

— Я тому то и удивляюсь. Какъ ты хочешь, но это... анархическое, что то...

Она съ улыбкой возразила:

— Анархизмомъ не упрекай. Мы были буржуазны до того, что даже дѣлали сбереженія. Правда, престранныя. Однажды съѣли мы на мель — ни грошика, а намъ нужно 25 рублей на желѣзную дорогу, чтобы добраться въ одну южную обитель къ храмовому празднику. Пафнутій развздыхался: — Ахъ, кабы намъ сейчасъ да быть на Волинѣ, были бы мы съ деньгами... — А гдѣ бы ты взялъ? — А есть тамъ рѣчка Тетеревъ, чудо красота, въ страшнѣйшихъ скалахъ струитъ по камнямъ свѣтло-журчащія пѣвучія воды. Такъ нашелъ я въ одной скалѣ больно ужъ хорошую щель — положилъ кладъ, камнями засыпалъ и заклятемъ заминилъ... — И много денегъ? — Не то, чтобы очень много, однако и не мало: турецкая золотая лира, да австрийскихъ гульденовъ съ десятокъ, да нашимъ серебромъ рублей не помню шесть, не помню семь... — И давно? — Да ужъ

лѣтъ съ десятокъ. — Чудакъ! да, вѣдь, поди, твой кладъ давно уже кто нибудь примѣтилъ и вытащилъ? — А очень можетъ быть, что и вытащилъ. Ну — что

денегъ у него въ нихъ попропало! Потому что иные онъ хорошо помнилъ, а иные и позабывалъ. Возлѣ Томска у него была зарыта, въ коробѣ изъ подъ сардинъ, сторублевая бумажка. Примѣта была — корявая сосна. Гдѣ въ полдень конецъ ея тѣни, тамъ и зарыта жестянка. Пришли мы деньги брать — анъ, сосну то, на грѣхъ, кто то срубилъ! Очень мы приуныли, потому что на эти сто рублей была вся наша надежда для возврата въ Россію. Хорошо еще, что срубившій не выкорчевалъ пня. Четверо сутокъ мы съ Пафнутіемъ въ тайгѣ кормили собою комаровъ — рассчитывали по пню разстояніе, словно какіе нибудь инженеры. Я стою на пнѣ, преогромный шесть поддерживаю руками, изображаю, значить, срубленную сосну, а Пафнутій ловитъ мою тѣнь. И что же ты думаешь? Вѣдь доловился! Правда, земли взрыть ему пришлось тоже чуть не на сто рублей работы, но жестянка то звякнула таки, наконецъ, подъ заступомъ... Ужъ и радости же было!

— Встрѣчаемъ однажды — еще въ самомъ началѣ нашего странствія — калужскихъ переселенцевъ. Жалости достойная, голая нищета, въ подводникахъ кляченки скелетныя, тащется въ Сибирь безъ гроша, сами не знаютъ, на какія новыя мѣста. Пафнутій расчувствовался на ихъ бѣдность — говоритъ вожакъ:

— Будете вы проходить городъ Бугльму, — поди ты, дядя, на кладбище. Найдешь въ узкомъ мѣстѣ, между церковью и оградой старую плиту — синимъ крашена, а на ней человѣчья смерть: черепъ и кости. Лежитъ подъ тою плитою рабъ Божій Петръ Трасогузовъ, генераль-маіора Вѣтрищева дворовый человѣкъ. Такъ ты отъ этихъ самыхъ черепа и костей ступай направо, къ оградѣ, прямо-прямо по линіи — и, гдѣ

«...Жестянка-то звякнула таки, наконецъ, подъ заступомъ...»

трещать... И, пожалуйста, не думай, чтобы это былъ призывъ къ какой нибудь оргіи, что ли... Нисколько! Пусть насъ вѣтромъ обдуваетъ, солнышкомъ угрѣвается! — только и всего... И никому не было стыдно, и всѣмъ казалось естественно... правда, лишь на пять верстъ!

Ну, а потомъ пришлось же намъ съ Пафнутіемъ удирать изъ тѣхъ мѣстъ скоро-наскоро! Потому что слава разнеслась на два уѣзда и становой одинъ очень озлился за беспорядокъ. А попы бучу подняли: это, молъ, уже не просто, это — отъ духовъ, секта!.. А какая тамъ секта! Просто — захватило вешнимъ духомъ... мать-земля позвала... солнце усмѣхнулось!..

Ну, вотъ, и кутимъ такъ, пока не прокутимся до послѣдней ниточки... Я, когда впервые остались мы этакъ — безъ грошикамѣднаго, испугалась было, — ай, пропадемъ! А Пафнутій смѣется:

— А на что Богъ далъ человѣку руки?

— Добрые люди говорятъ: чтобы работать.

— А которые еще добрѣ говорятъ: чтобы въ окошечко стучать, Христову милостыню принимать, да лобъ крестить за здравіе подателя...

Такъ мы и поспѣвали. Начинаясь — значить — послѣ праздника, новая полоса — будни:

— Подайте, православные, на каменное построение...

«...И найдешь ты за нимъ дыру, а въ дырѣ бычій пузырь, а въ пузырь 87 рублей денегъ...»

же? Доброму человѣку — на здоровье, злему — не въ корысть...

— Подобныхъ тайничковъ съкладами, и все крохотными, онъ понасыпалъ по всей Россіи — и сколько, поди,

упрешься въ ограду, смотри, что въ рѣшеткѣ покривился желѣзный зубецъ. Всѣ зубцы правильные, а одинъ кривой. И отмѣрай ты подъ этимъ кривымъ зубцомъ въ фундаментъ третій свеиху

КОНЧИНА Г. В. ПЛЕХАНОВА.

9 июня въ Петроградѣ состоялись торжественныя похороны великаго русскаго ученаго, литератора, публициста и революціоннаго борца, основателя русскаго на-

Провожать покойнаго на мѣсто послѣдняго упокоенія собрались многочисленные представители политическихъ, обществен-

ныхъ, литературныхъ, культурно-просвѣт-
къ объединенію всѣхъ живыхъ элементовъ страны для общей борьбы за освобожденіе и возожденіе Россіи. Одинъ только большевистскій петроградскій совѣтъ стал-

У гроба Г. В. Плеханова въ помѣщеніи Вольно-Экономическаго общества.

У гроба—супруга покойнаго и его другъ Л. Г. Дейчъ.

учнаго марксизма Георгія Валентиновича Плеханова.

Вѣсть о кончинѣ Г. В. Плеханова пришла изъ Финляндіи, куда финскія власти не пропускали во время предсмертныхъ страданій Г. В. никого изъ родныхъ и близкихъ. Лишь послѣ ряда хлопотъ и ходатайствъ удалось добиться разрѣшенія привезти тѣло покойнаго въ Петроградъ для преданія землѣ на Волковомъ кладбищѣ, вблизи могилъ Бѣлинскаго, Добролюбова и Писарева, согласно послѣдней волѣ Г. В. Плеханова.

тельныхъ, рабочихъ, профессиональных, національных, научныхъ, студенческихъ и другихъ организацій. Правда, рабочія массы, въ цѣломъ уставшія отъ тревоженій политической борьбы, съ одной стороны, и удерживаемыя большевистской агитаціей, съ другой стороны, не полностью были представлены на похоронахъ.

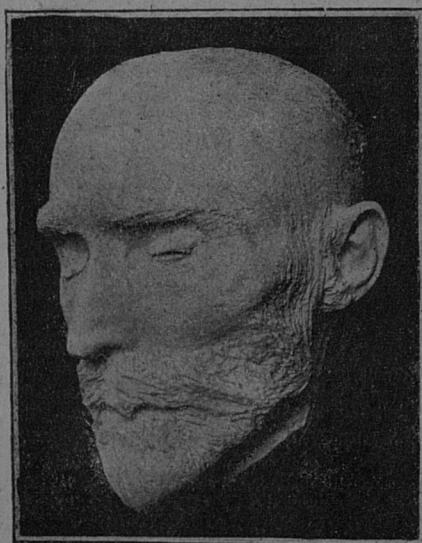
Ровно въ 12 часовъ гробъ на рукахъ друзей и близкихъ покойнаго былъ вынесенъ изъ помѣщенія Вольно-Экономическаго общества подъ звуки музыки «Коль Славы», исполненной матросскимъ оркестромъ бывшей яхты «Штандартъ».

Къ этому времени депутаціи, вытянувшись отъ угла 4-ой роты и Забалканскаго проспекта до Технологическаго института, съ пѣніемъ «Вѣчной памяти» двинулись въ погребальную процессію, имѣя впереди себя громадное знамя собранія уполномоченныхъ фабрикъ и заводовъ Петрограда.

Депутаціи и вѣнковъ было безконечно много; среди нихъ обращалъ на себя вниманіе вѣнокъ «отъ монархиста» В. М. Пуришкевича—политическому врагу, великому русскому патріоту, социалисту Г. В. Плеханову», съ надписью на другой лентѣ: «Русь диктовала бы миръ въ Берлинѣ, если бы русскій социалистъ въ дни бранныхъ буръ шелъ попутямъ, указаннымъ тобою».

Надъ могилой Г. В. Плеханова представители рабочихъ и демократическихъ организацій призывали

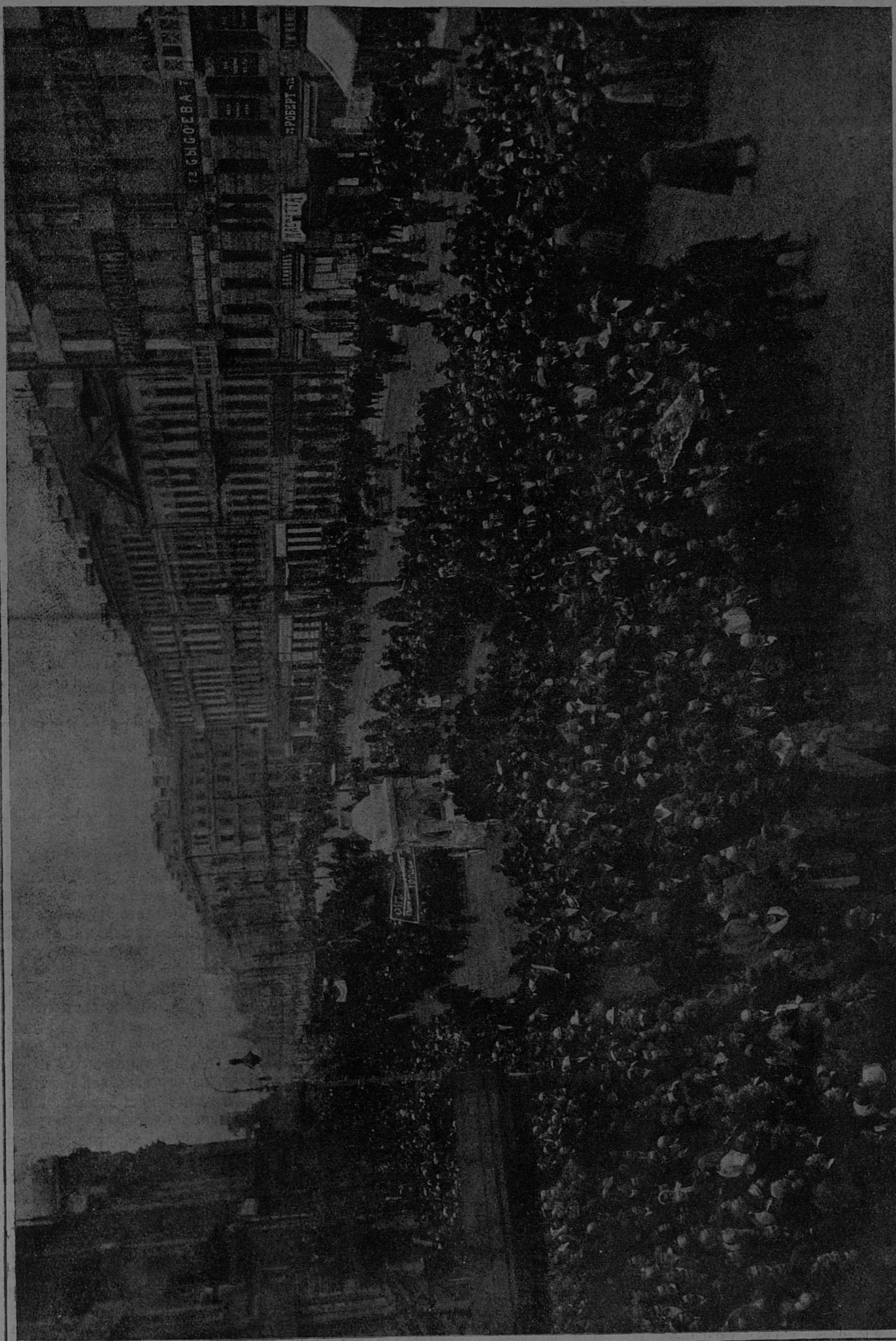
ся вѣрять себѣ, отказавшись отъ участія въ похоронахъ великаго учителя, «открывшаго, по выраженію самого предсѣдателя коммуны Зиновьева—русскій рабочий классъ».

Маска Г. В. Плеханова, снятая представителемъ Академіи Художествъ.

На свѣжей могилѣ Г. В. Плеханова на Волковомъ кладбищѣ.

Траурная процессія съ открытымъ гробомъ Г. В. Плеханова на углу Литейного и Невского пр.

По фотографии для „Огонька“ Іосифа Оцула.

кирпичъ. Онъ немножко будто высу-
нулся передъ другими и замазка изъ
швовъ выпала, одинъ соръ. Потянешь
кирпичъ—онъ вывалится—и найдешь
ты за нимъ дыру, а въ дырѣ бычій
пузырь, а въ пузырь 87 рублей де-
негъ. 75 возьми себѣ съ Богомъ на
вашу артель, а 12 оставь: мнѣ самому
нужны... По чести возмешь—давай вамъ
Богъ съ моего клада разжиться, обма-
нешь—твой грѣхъ, моя обида, а Божій
судъ... А по рабѣ Божіи Петрѣ непре-
мѣнно отслужите панихиду, потому что
онъ моему кладу выходитъ какъ бы
стражъ...

Переселенцы разстались съ нами, какъ
съ нѣкими чудесными людьми—съ неба
не съ неба, а не изъ простыхъ мѣстъ..
Когда мы возвращались изъ Томска, то
нарочно сдѣлали крюкъ отъ Бугуруслана
на Бугульму—посмотрѣть, были ли
переселенцы у клада и какъ исполнили
Пафнутьевъ завѣтъ. Плиту нашли, кир-
пичъ нашли, подъ кирпичемъ—честно!
оставлено 12 рублей денегъ... Пафнутій
страсть быть радъ: онъ всегда, какъ
ребенокъ, радовался, если онъ кому
повѣритъ на слово, и тотъ окажется
хорошимъ, вѣрнымъ человекомъ...

Но, вообще, въ деньгахъ странники
рѣдко нуждались. Хотя при себѣ Пафну-
тій носилъ ихъ немного, но почти въ
каждой мѣстности у него были дружки;
за ѣду и ночлегъ никогда не приходи-
лось платить. Сюрпризы разоблаченій,
когда въ красномъ юномъ монашкѣ
признавали женщину, бывали не разъ,

скрывалъ, что водить съ собою пере-
одѣтую женщину, къ чему крестьяне
относились, конечно, не безъ насмѣлки,
но, въ общемъ, снисходительно и благо-
душно, какъ къ дѣлу житейскому и обыч-

тившая странствіе по той же при-
чинѣ, остались на попеченіи хозяина
избы, лѣсного объѣздчика, прекраснаго
человѣка, съ большою семьею. А Паф-
нутій съ товарищемъ продолжали соби-

«...Она была страстная любительница чтенія...»

ному. Только бабы иногда негодовали.
Да и то больше не за беззаконіе, а—за-
чѣмъ дерзаетъ женщина облекаться въ
мужской монашескій нарядъ, подобіе
ангельскаго чина?

А, между тѣмъ, это
явленіе оказалось со-
всѣмъ не такимъ рѣд-
кимъ и оригиналь-
нымъ, какъ кажется
съ перваго взгляда.
Не проходило мѣсяца,
чтобы странники не
встрѣтили такого же
бродячаго сборщика
въ иноческомъ если
не санѣ, то видѣ,
сопровождаемого та-
кимъ же подложнымъ
служкою. Все больше
изъ богомолковъ, сдру-
жившихся съ товари-
щемъ въ долгихъ со-
вмѣстныхъ паломни-
чествахъ.

Однуподобную пару
странники встрѣтили
осенью подъ Калугою.

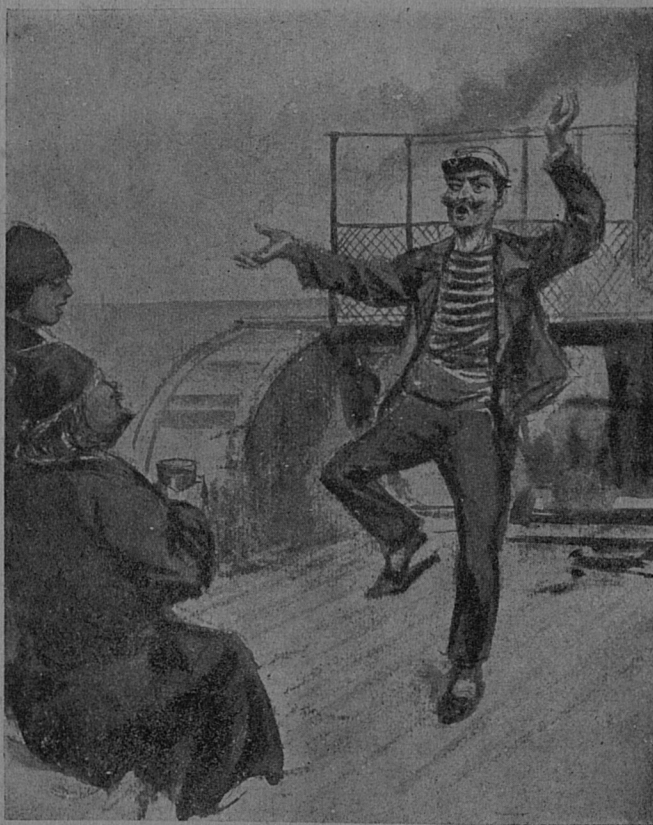
Подружились и сго-
ворились зимовать
вмѣстѣ, нанявъ для
того уединенную, въ
бору затерянную избу.
Дальше бродить стало
невозможно, несмотря
на совершенную бо-
дрость Агаши и даже
къ большому ея огор-
ченію. Фигура ея при-
обрѣла слишкомъ вы-

растительную полноту, которую уже не
скрывали не только монашескій под-
рясникъ, но и женскія одѣянія. Агаша
и спутница другого сборщика, прекра-

ратъ въ Калугѣ, заглядывая къ своимъ
отшельницамъ. Въ осѣдломъ быту онѣ,
конечно, опять приняли женскій видъ.
Зимовали не скудно, потому что до-
вольство было полное, и не скучно,
потому что товарка Агаши, дальняя
сибирячка и уже немолодая женщина,
оказалась превосходною подругою. Бы-
вала, веселая, кроткая и—изъ тѣхъ,
въ присутствіи которыхъ никакія чу-
деса не удивительны и страхи не
страшны. Всего было видано на вѣку
и всякаго горя хвачено, но все—какъ
съ гуся вода: жива курилка. Любо-
пытно, что женщина эта—полуграмот-
ная сама—оказала огромное вліяніе на
умственное развитіе Агаши. Она была
страстная любительница чтенія и, за-
ставляя Агашу читать вслухъ, такъ
пристрастила ее къ книжкамъ, что той,
вскорѣ стала безъ нихъ—жизнь не
въ жизнь.

Особенно сильное впечатлѣніе на
Агашу произвелъ Лермонтовъ. Когда она
впервые узнала «Демона» и «Мцыри»,
ей показалось, будто въ глаза ей брыз-
нулъ нѣкій новый ослѣпительный свѣтъ,
въ которомъ и вся жизнь, всѣ предметы,
всѣ обстоятельства стали новыми, испол-
няясь какой то таинственной, не замѣ-
чавшейся до сихъ поръ, мрачно-буйной
красоты... Лермонтовъ сталъ для нея
богомъ безъ сравненій—единымъ—на-
всегда—такимъ же вотъ, какъ для ея
спутника и сожителя, Пафнутія, былъ
Державинъ.

Паспортъ у Агаши былъ прекраснѣй-
шій—купеческій, вдовій, на имя Татьяны
Ивановны Корнилевой. А интересное
положеніе молодой женщины въ связи
со вдовымъ видомъ совершенно доста-
точно объясняло причину, почему забра-
лась она жить въ такую потайную
глушь, такъ что не было никакихъ по-

«...Они ему разъ по десяти на день пѣли «Евплатику», отъ
которой онъ приходилъ въ азартъ».

но всегда кончались благополучно. А въ
дальнихъ мѣстахъ, когда странники
бредли хорошо знакомыми Пафнутію се-
лами и деревнями, онъ даже не очень

разительную полноту, которую уже не
скрывали не только монашескій под-
рясникъ, но и женскія одѣянія. Агаша
и спутница другого сборщика, прекра-

НОВАЯ ГЛАВА ВЪ ИСТОРИИ СВЯТОГО ГОРОДА.

Иерусалимъ въ рукахъ англичанъ.

Первый караванъ британскихъ войскъ на верблюдахъ по дорогѣ въ Иерусалимъ

Превратна судьба этого историческаго древняго живописнаго города, въ теченіе своего 39-ти-вѣковаго существованія являвагося объектомъ воинственныхъ и религіозныхъ вожельтій правителей и полководцевъ древняго, стараго и новаго міровъ.

Типъ женщины.

Въ дни пережитого Россіей новаго государственнаго (большевистскаго) переворота за рубежомъ, — на отдаленномъ азиатскомъ театрѣ войны, — свершилось событіе, прошлое почти незамѣченнымъ русской печатью, всецѣло поглощенной внутренней политикой Россіи, отъзанной въ ту пору отъ всего остальнаго міра. Мы говоримъ о занятіи Иерусалима англійскимъ экспедиціоннымъ отрядомъ въ Палестинѣ 10 декабря 1917 г. Событіе, менѣе важное, можетъ быть, по своему стратегическому значенію въ колоссальной борьбѣ народовъ, затѣянной волей кайзера, но выдающееся по государственному-политическимъ послѣдствіямъ въ предстоящемъ переустройствѣ жизни народовъ Стараго и Новаго Свѣта.

Въ немногихъ словахъ мы и хотѣли бы, пользуясь научно обоснованными документальными данными, провести перелѣзъ читателями краткую исторію постепеннаго развитія святого «вѣчнаго города», куда съ самыхъ древнихъ временъ, какъ въ другой «вѣчный городъ» — Римъ, стекаются со всѣхъ концовъ свѣта паломники. Иерусалимъ болѣе, чѣмъ Римъ, заслуживаетъ названіе «вѣчнаго города»: онъ уже существовалъ въ то время, когда о Римѣ не было еще и помину; Римъ вѣченъ только въ глазахъ части христіанъ, между тѣмъ какъ Иерусалимъ почитается святымъ городомъ всѣми христіанами, всѣми евреями и большой частью мусульманъ, а слава его, какъ святого города, распространена по всей землѣ.

Начало этому городу положилъ Давидъ въ 104-й г. до Р. Х. Вотъ почему народная память болѣе всего цѣнила въ Давидѣ не просто царя, а основателя Сіона, перваго между царями.

На этомъ періодѣ развитія и расцвѣта города, проливающимъ свѣтъ на причины впоследствии возникшаго культа святого города, не безынтересно остановиться поподробнѣе.

Мѣстность, въ которой основался городъ Давида, издавна славилась своею неприступностью.

Эта, неприступная для того времени, естественная крѣпость (обведенная оградой-стѣной, по примѣру всѣхъ древнихъ городовъ) и необходима была воину Давиду для закрѣпленія своего могущества въ Израилѣ.

Библия не сохранила намъ подробностей взятія Сіона: «Давидъ взялъ приступомъ замокъ Сіонъ... затѣмъ поселился въ замкѣ и назвалъ его городомъ Давида». Когда же «городъ Давида» обстроился и расширился, въ народѣ за нимъ осталось то названіе, какое онъ носилъ изстари, еще въ дни первыхъ нападеній израильскихъ племенъ на Ханаанъ. Тогда онъ назывался Урусалимъ; теперь за нимъ осталось то же названіе, только измѣнилось его произношеніе: Иерусалаимъ — какъ говорили древніе евреи, Иерусалимъ — какъ говоримъ теперь мы.

Сынъ Давида — Соломонъ, унаследовавшій отъ воинственнаго отца прочное государство, взлелѣялъ мысль расширить городъ и выстроить въ немъ дворецъ и храмъ, о которомъ мечталъ Давидъ. Но въ тѣсныхъ стѣнахъ старой крѣпости Сіона Соломонъ не нашелъ подходящаго мѣста для новаго соору-

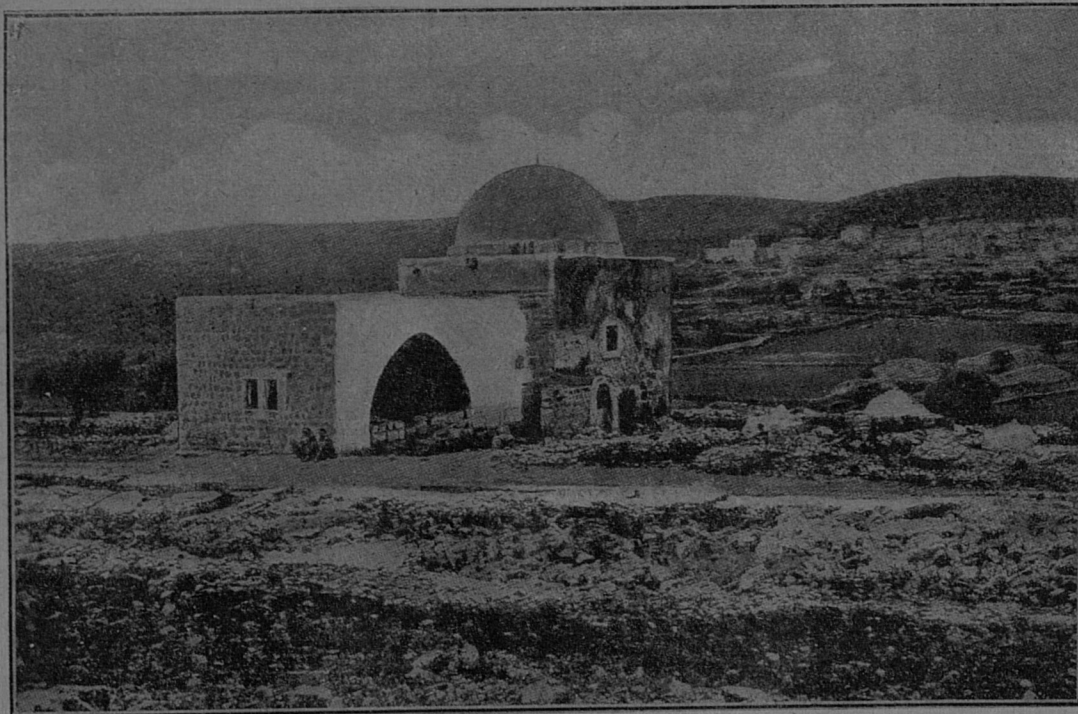
женія. Да и домъ, выстроенный его отцомъ, казался ему малымъ и тѣснымъ. Его отецъ, привыкшій къ лагерной жизни воина, довольствовался очень скромнымъ жилищемъ. Соломонъ, выросшій, какъ царскій сынъ, не знавшій ни въ чемъ отказа, искалъ мѣста для постройки болѣе обширной.

Такое мѣсто нашлось на сѣверной части восточнаго холма, отдѣленной отъ «города Давида» небольшою котловиной. Тутъ издавна лежалъ огромный камень, упавшій съ неба, — очевидно, — метеоритъ. Его считали священнымъ камнемъ, и иные боязливые люди приносили ему жертвы. Вотъ откуда исходила его слава: въ дни Давида въ странѣ свирѣпствовала чума, направлявшаяся въ сторону Иерусалима. Преданіе говоритъ, что Иегова, разгнѣванный на Свой народъ, послалъ Своего вѣстника — духа чумы покарать грѣшниковъ. Но у самой этой скалы перемѣнилъ намѣреніе и приказалъ духу опустить свою губительную руку.

Въ ознаменованіе этого событія Давидъ выстроилъ на этомъ мѣстѣ жертвенникъ Иеговѣ и принесъ обильныя жертвы. Здѣсь — то и рѣшилъ Соломонъ построить новый храмъ (въ 1012 г.). Всѣ постройки Соломонъ рѣшилъ возводить не по старому образцу, а по новой архитектурѣ. Было здѣсь, несомнѣнно, и иностранное вліяніе, ибо одна его жена была дочью фараона, другая — родомъ изъ Финикіи. Усебя на родинѣ его жены привыкли къ роскоши, къ тонкой художественной отдѣлкѣ домовъ. Вотъ откуда и пошло то великолѣпіе храма, о которомъ сообщаютъ библейскія преданія. Открытіе храма состоялось въ 1004 г. до Р. Хр.

Иерусалимскіе евреи.

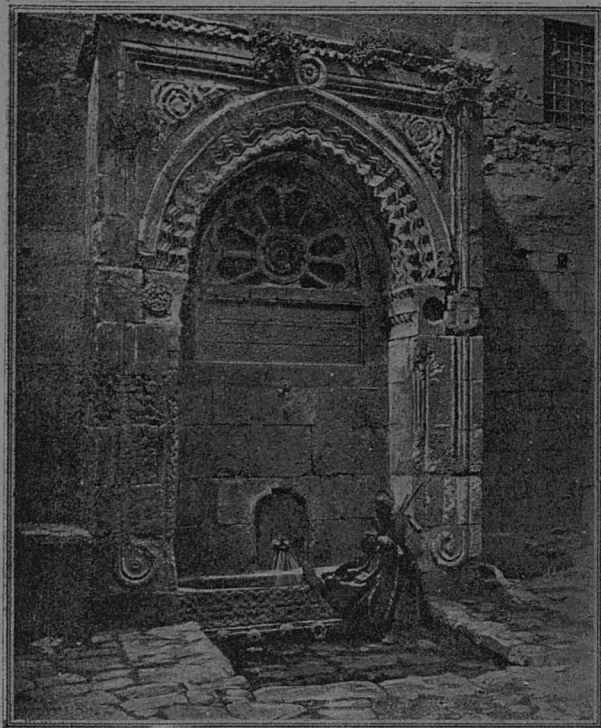

Могила Рахили вблизи Иерусалима.

Могила Рахили лежитъ на небольшомъ разстояніи отъ Виллема на пути къ Иерусалиму. Документально доказано нынѣ, что могила сооружена на томъ, именно, мѣстѣ, гдѣ Іаковъ похоронилъ свою любимую жену.

о которомъ сообщаютъ библейскія преданія. Открытіе храма состоялось въ 1004 г. до Р. Хр.

Простѣдимъ дальнѣйшій ходъ роста города. Городъ Давида и резиденція Соломона, расположенные на восточныхъ холмахъ, еще не составляли единого цѣлаго съ бѣдной деревушкой Іевусеевъ на юго-западномъ холмѣ, отдѣленной отъ царскаго дворца глубокимъ ущельемъ. Должно было пройти около 100 лѣтъ, пока поселокъ на юго-западномъ холмѣ не превратился въ городъ, разросшійся впоследствии къ

Входъ въ Іерусалимъ—великолѣпный фонтанъ вблизи воротъ Источника.

Этотъ фонтанъ являетъ прекрасный образецъ многихъ истинно художественныхъ памятниковъ, сохранившихся въ Іерусалимѣ. Преданіе рассказываетъ, что здѣсь находилось кресло, на которомъ Давидъ творилъ судъ. Лица, прибывшія къ его правосудію, сбязаны были проходить черезъ цѣпь, протянутую въ оградѣ воротъ. Когда черезъ нее переступалъ безчестный истецъ, цѣпь сама раскрывалась, давая дорогу на судъ.—Фонтанъ выстроенъ въ оригинальномъ стилѣ—частью въ стилѣ нормандской скульптуры, иначе говоря, вѣроятно всего въ духѣ сооруженій періода крестовыхъ походовъ.

сѣверу и сѣверо-востоку и окружившій собою Сіонъ и резиденцію Соломона такъ же, какъ теперешній Китай-городъ и Бѣлый городъ въ Москвѣ окружали собою Кремль, эту первоначальную Москву.

Лѣтъ черезъ 70 послѣ Соломона жизнь въ Палестинѣ сильно измѣнилась. Около большихъ городовъ появились торговныя и ремесленныя слободы, потянувшіяся лучами отъ воротъ города, у которыхъ князья чинили судъ и расправу. Сюда же, въ дни праздниковъ, изъ окрестныхъ деревень пріѣзжали съ товарами купцы, устраивали рынки и получали заказы. Какъ вездѣ, ремесленники и торговцы селились по спеціальностямъ и вотъ въ Іерусалимѣ появляются «Рыбныя ворота», «Овчьи ворота», «Молочныя ворота», «Конскія ворота» и др.

Со смертію Соломона раздоры и междоусобицы являлись отличительными чертами жизни іудеевъ, и съ этого времени городъ подвергается неоднократно осадамъ и нападеніямъ непріятельскихъ войскъ.

Впервые онъ увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ вражескія войска въ царствованіе Ровоама, сына Соломона: въ него вступилъ царь египетскій Шешонгъ. Въ IX вѣкѣ правленіе Іорама ознаменовано появленіемъ у Іерусалима филистимлянъ и арабовъ, взявшихъ городъ штурмомъ. Третій преемникъ Іорама, Амасія, попалъ въ плѣнъ къ Іоассу, царю израильскому, вступившему затѣмъ въ Іерусалимъ. При царѣ Ахазъ Іерусалимъ былъ осажденъ войсками сирійцевъ и израильтянъ; освободился онъ лишь благодаря богатому откупу.

Въ 586 году Іерусалимъ открылъ свои ворота перече

Навуходоносоромъ, послѣ 9-ти-мѣсячной осады. Все войско, вышедшее на вылазку, попало въ вавилонскій плѣнъ. Іерусалимъ былъ сожженъ. Въ огнѣ сгорѣли храмъ и царскія палаты возлѣ храма. Отъ Іерусалима остались однѣ развалины. Съ тѣхъ поръ, дочь Сіона никогда болѣе не возвратила себѣ той красоты, которою она сіяла во дни Давида и Соломона.

Но гадать о родномъ городѣ и поклоненіе избранному мѣсту Іеговы свято хранились у попавшихъ въ плѣнъ іудеевъ. Пророки, левиты и священники призывали народъ къ возстанію противъ насильниковъ и къ возвращенію въ Іерусалимъ для устроенія новой праведной жизни во Израилѣ и сооруженія новаго храма Іеговы.

О судьбѣ Іерусалима во время владычества персовъ, а затѣмъ грековъ почти ничего неизвѣстно. По смерти Александра Македонскаго владычество надъ Іерусалимомъ съ 318 года перешло къ Птолемеямъ, которыхъ неоднократно смѣняли Селевкиды, властители Сиріи.

Въ 168 г. до Р. Х. свершилось въ Іерусалимѣ страшное дѣло: въ храмѣ, на мѣстѣ жертвенника Іеговы, былъ воздвигнутъ жертвенникъ Зевсу Олимпійскому, по приказу Антиоха IV. Онъ прибылъ въ Іерусалимъ съ сильной арміей, разрушилъ стѣны, храмъ превратилъ въ язычeskій, а Сіонъ—въ грозную цитадель, названную Акра. Жестокости Антиоха вызвали новое возстаніе; глава возстанія Іуда Маккавей, разбивъ въ 162 году сирійцевъ при Эммаусѣ, вступилъ въ Іерусалимъ. Въ 133 году Антиохъ VII блокировалъ Іерусалимъ и черезъ годъ принудилъ голодомъ гарнизонъ къ сдачѣ. Владычество сирійцевъ и на этотъ разъ продолжалось недолго: ихъ онъ свергнулъ Гирканъ, позаботившійся о возобновленіи городскихъ укрѣпленій.

Въ послѣдовавшій затѣмъ періодъ междоусобицы Іерусалимъ нѣсколько разъ осаждался и переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ разгаръ этихъ раздоровъ римскій полководецъ Помпей, въ 63 году, вступилъ въ Іерусалимъ, водрузивъ въ стѣнахъ его римскаго

орла. Римъ, однако, не вмѣшивался во внутреннія дѣла іудеевъ, а лишь заботился объ исправныхъ платежахъ налоговъ. Однако, власть поставленныхъ римскими кесарями любимцевъ, которымъ поручалось управленіе Іудеей, подъ титуломъ «царя іудейскаго», была непріятна іудеямъ. Такимъ царемъ былъ извѣстный Иродъ Великій, оставившій по себѣ печальную память среди іудейскаго народа. Онъ, правда, украсилъ городъ пышными зданіями, заново отстроилъ храмъ и

Иудейская жемчужина.

угождалъ фарисеевъ, но былъ ненавидимъ народомъ за свою жестокость и казни. Іудеи, доведенные его беззаконіями до возстанія, провозгласили царемъ Матафія Антигона. Его полководецъ князь Фаноръ въ 39 году овладѣлъ Іерусалимомъ. Однако, Иродъ въ началѣ 38 года съ римскими войсками осадилъ Іерусалимъ и овладѣлъ имъ послѣ шестимѣсячной осады.

Въ 66 году послѣ Р. Х. евреи возстали, взяли приступомъ замокъ Антонія и вырѣзали гарнизонъ города. Неронъ поручилъ подавленіе возстанія Флавію Веспасіану, но въ слѣдующемъ году Веспасіанъ былъ провозглашенъ императоромъ, и командованіе войсками передать сыну своему Титу, который въ апрѣлѣ 70 года приступилъ къ осадѣ города. Во время осады въ Іерусалимѣ свирѣпствовалъ страшный голодъ. Стоявшій во главѣ защиты города Симонъ Бар-Гіора сдѣлалъ вылазку, опрокинулъ римлянъ, но не въ силахъ былъ прогнать кольцо непріятельской осады. Титъ поджегъ ворота іерусалимскаго храма, гдѣ засѣли защитники, и 5 августа овладѣлъ пепелищемъ города. 2 сентября и Сіонъ былъ взятъ штурмомъ, послѣ чего Іерусалимъ былъ разрушенъ до основанія.

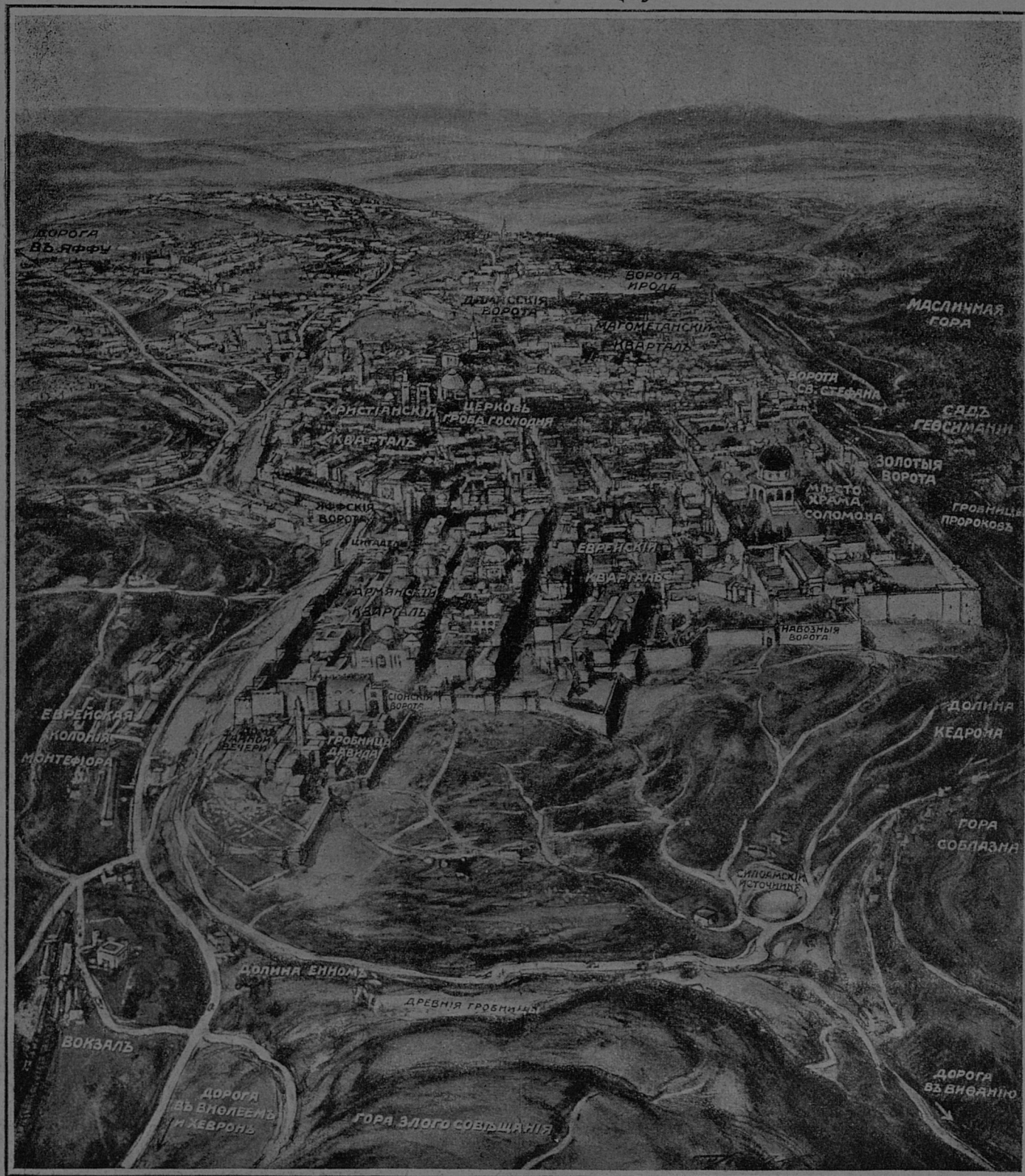
Продавецъ капусты.

Приблизительно за 40 лѣтъ до окончательной гибели Іерусалима и второго храма, въ

Ворота XII вѣка, ведущія въ часовню св. Дѣвы на Масличной горѣ.

Часовня воздвигнута въ память Благовѣщенія.

Панорама Св. Города (видъ съ юга черезъ долину Енноу). Ворота и памятники старины.

Мы смотримъ на городъ съ юга. На переднемъ планѣ находится евангельская гора Злого Совѣщанія, гдѣ былъ выработанъ планъ нападенія на Іисуса Христа въ саду Геосиманіи. У подножія горы стелется долина Енноу, съ группой гробницъ стараго Іерусалима. За долиной Енноу гора Сіонъ, пересѣкаемая зигзагообразными линіями городской стѣны. Съ этой стороны имѣется два входа въ городъ: черезъ Сіонскія ворота слѣва и такъ называемыя „Навозныя ворота“ (прежде, очевидно, „Молочныя ворота“) справа.

Съ востока и запада стоящія и нынѣ стѣны, очевидно, идутъ въ томъ же направленіи, что и въ старое время, ибо долина и окружающіе ее холмы не даютъ возможности намного уклониться въ ту или другую сторону. Внутри стѣны за южной городской оградой находятся еврейскій и армянскій кварталы. Большая часть армянскаго квартала, вѣроятно, была занята въ семидесятыхъ годахъ до Р. Х. великолѣпнымъ дворцомъ и садами Ирода. Цитадель, по всему вѣроятію, занимаетъ ту сторону форта, которая служила защитой территории дворца. Къ сѣверу отъ цитадели стоитъ церковь Гроба Господня на мѣстѣ погребенія Спасителя. Вокругъ храма образовался христіанскій кварталъ. Къ востоку отъ него пріютилось магометанское населеніе. Высятся мечеть халифа Омара, построенная на скалѣ, гдѣ по преданію находился жертвенникъ въ Соломоновомъ храмѣ.

Въ восточной стѣнѣ двое воротъ: св. Стефана и Золотыя. Въ сѣверной стѣнѣ три входа: черезъ Дамасскія ворота, ворота Ирода и ворота Абдуль-Гаида или Новыя ворота. По ту сторону стѣны раскинулись предмѣстья, гдѣ до войны проживали иностранныя колоніи. Старый Іерусалимъ обнимаетъ площадь гораздо большую, чѣмъ новая часть его.

Палестинѣ раздалась проповѣдь Іисуса, основателя христіанской религіи.

По силѣ огненнаго слова Онъ превзошелъ самыхъ древнихъ пророковъ, Ісаію и Іеремію. Послѣ распятія Іисуса Христа и Его воскресенія, въ Іерусалимѣ же образовалась первая община Его послѣдователей, первая община Христіанъ.

Въ 330 году Константинъ Великій объявилъ Іерусалимъ христіанскимъ городомъ, и до 614 г. онъ оставался подъ властью византійскихъ императоровъ, когда былъ занятъ персидскимъ царемъ Хозроємъ II.

Въ 628 году Гераклій вновь приобрѣлъ Іерусалимъ, но уже въ 637 г. калифъ Омаръ взялъ его послѣ 4-мѣсячной осады и подчинилъ власти мусульманъ. Въ 969 году мусульманскіе каліфы уступили Іерусалимъ царямъ египетскимъ, у которыхъ въ 1077 г. онъ былъ отнятъ ортокидами, племенемъ, родственнымъ сельджукамъ. Они стали подвергать христіанъ жесточайшимъ преслѣдованіямъ, чѣмъ и вызвали крестовые походы.

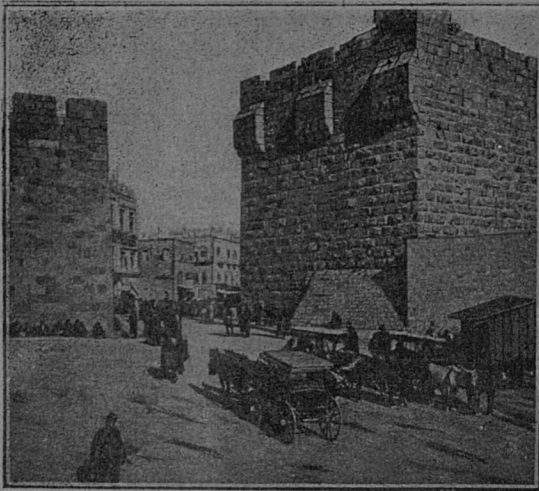
Въ 1099 г. Іерусалимъ былъ взятъ крестоносцами подъ предводительствомъ Фридриха Бульонскаго и сдѣлался столицей іерусалим-

скаго королевства, но въ 1167 г. Іерусалимъ снова былъ взятъ египетскимъ султаномъ Саладиномъ.

Въ 1291 г. Іерусалимомъ овладѣли мамелюки, а съ 1517 г. онъ находится подъ властью Порты. Лишь въ 1799 г. онъ былъ временно занятъ Бонапартомъ.

Сто восемнадцать лѣтъ спустя, 10 декабря 1917 г., англичане вступили въ Іерусалимъ и предполагаютъ вернуть его и землю Палестины потомкамъ Давида, основателя „вѣчнаго святого города“, обезпечивъ святыни всѣхъ религіи.

Во святомъ градѣ Іерусалимѣ.

Врешь въ стѣнахъ Іерусалима въ честь кайзера.

Во время визита кайзера, за нѣсколько лѣтъ до войны, турки рѣшили почтить гостя особеннымъ образомъ. Въ Яффскихъ воротахъ было пробито новое отверстіе для въѣзда кайзера; оно сохранилось и понынѣ.

лицейскихъ приди-рокъ,— тѣмъ болѣе, что хозяинъ избы и самъ былъ какъ бы вродѣ полиціи...

Беременность Агашуни сколько не тяготила, не сопровождаясь ни однимъ изъ мучительныхъ осложнений: ни тошнотой, ни болями, ни даже безобразіемъ лица,— только фигура округлилась. Роды не давали о себѣ никакихъ предвѣстій,

и женщины лѣсной хижины полагали уже, что Агаша сильно ошиблась въ срокъ. Но вначалѣ марта она вышла въ лѣсъ за хворостомъ и, собирая его, почувствовала себя какъ будто нехорошо; поднимая же вязанку на плечи, она, вдругъ, ощутила будто все существо ея наполнилось огнемъ и острыми ножами, стремящимися вырваться изнутри наружу. Бросила вязанку, прислонилась къ соснѣ и думаетъ: что это со мною? никакъ дурно? ничего, отдышись! А въ глазахъ— вмѣсто яснаго утра, глубокая, беззвѣздная ночь. А потомъ вдругъ слышитъ себя въ теплѣ, дома, на кровати.

— Что со мною?.. Говорятъ: родила. Когда?—А Богъ тебя знаетъ. Мы научались, что тебя нѣтъ, пошли искать, а ты лежишь подъ сосною, и ребенокъ на свѣту, у ногъ... Живъ?—Ничего, шевелится... страсть какой большой парнище.

Но мальчикъ шевелился недолго— рожденіе на холоду не прошло ему да-

ромъ, и, пропичавъ двое сутокъ, онъ померъ: едва успѣли окрестить. Черезъ недѣлю Агаша была на ногахъ, а въ апрѣлѣ уже опять бродила, въ монашескомъ клобучкѣ и подрясникѣ, на Дону и въ Кубанской области, пробираясь съ Пафнутіемъ въ сказочную страну его, а теперь— послѣ Лермонтова то и ся, мечтаній— на Кавказъ. Это было самое интересное и живое время Агашина странствія. Ночевать же любили подъ открытымъ небомъ— подъ высокими, зелеными звѣздами, въ тиши, безъ людей, въ глубокихъ ущельяхъ шумитъ рѣчка, рядомъ хлощетъ подающій къ ней ручей, кружатъ и мечутся огненнымъ вихремъ свѣтящіяся мухи...

— Пафнутіи!

— Чего?

— Я стихъ сочинила...

— А ну?

— Слушай... Это, какъ мы съ тобой намереди въ степи брели ночью между озерковъ...

— Ну-ну!

— Съ той поры бродило, а теперь сочинилось...

— Да ты читай—не предисловь.

— Слушай...

Благоуханье синей ночи
Встаетъ отъ скошенныхъ стѣней,
Луна глядитъ озерамъ въ очи,—
И воля мнѣ, и нѣтъ цѣпей!
Дневныхъ тревогъ, дневного горя
Уснула смутная тоска...
Душа свободна, будто море,
Душа, какъ море, глубока.
И—будто въ морѣ—тверди синей
Въ ней отразилась вышина...
И надъ вздыхающей пустыней,
Она паритъ... тиха... ясна...

— Все?

— Все... Хорошо?

— Нѣтъ, не хорошо.

— На тебѣ никогда не угодишь... Почему нехорошо?

— Просто. Ты всегда слишкомъ просто. Никакого въ тебѣ величія и воображенія.

— Ну, да! Тебѣ бы все—какъ у Гавріила Романовича... Только и свѣту въ окошкѣ!...

— А ты скажи лучше, скажи...

Масличная гора и храмъ Вознесенія.

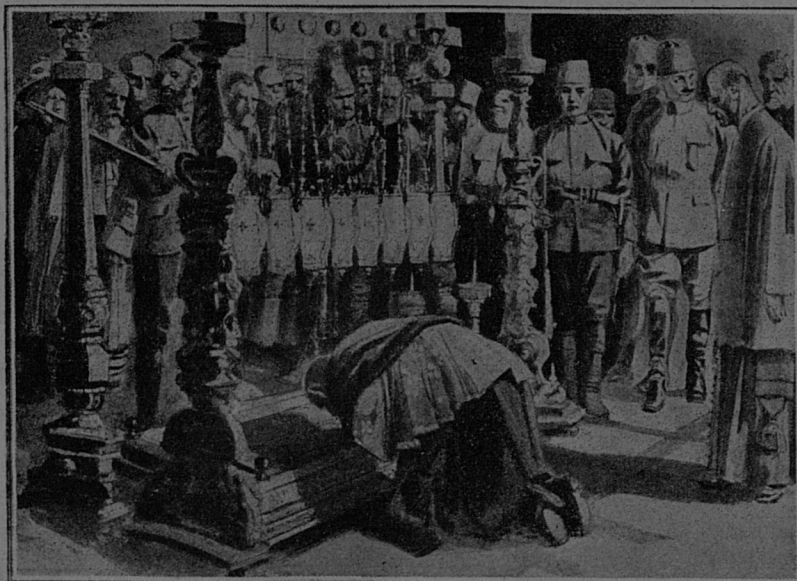
Зданіе принадлежитъ магометанамъ и построено на мѣстѣ Вознесенія Господня. Центральная часть зданія заключаетъ въ себѣ небольшую восьмиугольную часовню, въ которой сохранились слѣды ногъ Іисуса Христа.

Библейски-патріархальныя сценка у Дамасскихъ воротъ.

Овечь рынокъ въ Іерусалимѣ.

Во святомъ градѣ Іерусалимѣ.

Католическій епископъ прикладывается къ Святому Камню въ церкви Гроба Господня.

Позади стоитъ дежурная стража—турецкая гвардія; которая удалена нынѣ, со времени занятія Іерусалима англичанами.

Покажи-ка намъ другой свѣтъ то! Ха-ха-ха!

— Да я и то лучше сказала.

— Ты... лучше? Ахъ, ты... да послѣ того—тебя вотъ въ этомъ самомъ ручьѣ утопить надо!

— А что жъ? и утопилъ бы! Думаешь, я боюсь?

— То то, вотъ, бѣда, что жалъ,—дѣвушка хороша, а слѣдовало бы... Поелику Лермонтову твоему до Гавріила Романовича—яко до звѣзды небесной!

— Много ты понимаешь!

— Ты—больше!

— Извѣстно, больше; я молоденькая, молодое понимаю, а ты—застрялъ гдѣ то тамъ за сто лѣтъ назадъ, и нѣтъ тебѣ больше ходу... А ужъ если ты желаешь знать настоящіе стихи, то я тебѣ скажу изъ «Мцыри»...

Къ «Мцыри» Пафнутій относился снисходительнѣе, чѣмъ къ прочей поэзіи Лермонтова, потому что бурный образъ мальчика-монашка напоминалъ ему Агашу въ подрясникѣ и шапочкѣ...

— Хорошо?

— Будетъ хорошо, когда сама про себя читаешь... Но развѣ въ томъ задача и даръ пѣническаго восторга?

— Охъ, надоѣлъ ты мнѣ съ словами подобными... Точно предъ обѣдней часы читаешь...

— Дура! Это высокій штиль, заимствованъ отъ древнихъ эллиновъ... греческое.

— А очень мнѣ нужно, что по-гречески. Я тебѣ тоже, пожалуй, наговорю по-мордовски или чувашски—моя врага, твоя не разобрала. Ну тебя... разбиратель!.. Давай лучше пѣть: пусть ночь послушаетъ, ущелья поукаются...

— «Египтянку»? — лукаво спросилъ Пафнутій, зная, что изъ всѣхъ пѣсень, которыя они поютъ на два голоса, эта Агашина самая любимая,

— Заводи хоть «Египтянку»...

— Ага! То-то! Любишь, хитрая! А говоришь: Державинъ — „старый хрычъ“...

И высокимъ дребезжащимъ звукомъ разливается по ущелью его козловатый теноръ:

— Возьми, Египтянка, гитару, Ударь по струнамъ, восклицай; Исполнясь сладострастной жару, Твоей всѣхъ пляской восхищай.

— Жги душу, огонь бросай въ сердца Отъ смуглаго лица! — вступаетъ глубокимъ

контральтомъ Агаша и два умѣлые, хорошо спѣвшіеся, голоса согласно подпеваютъ къ звѣздамъ...

И этакъ, иной разъ, состязаются чудакомъ съ чудачкою всю ночь — ноченскую, пока, голубымъ блескомъ мерцающая, вершина Казбека не выблится въ холодную строгую ясность — и вдругъ зарозовеетъ, — краснѣе-краснѣе — и запламенѣетъ надъ сѣдыми туманами, обливаясь зарею, какъ свѣтящаяся кровью... Пафнутія сморить сномъ, храпѣть, но Агаша и тутъ еще долго не смыкаетъ глазъ, — смотритъ, неотрывная, на великое чудо, какъ оживаетъ отъ смерти къ жизни горное утро. И сама не замѣчаетъ, какъ уста ея мѣрно лепечутъ новорожденные стихи:

Волной кроваваго потока

Смѣется алая заря:

Убила тамъ она — высоко —

Ночного мрачнаго царя.

И сѣрый призракъ исполнна

Ползетъ съ уступа на уступъ,

Пока туманная долина

Не приметъ мракомъ мрака трупъ.

А наверху лазурь играетъ,

Казбекъ сверкаетъ, какъ

копье,

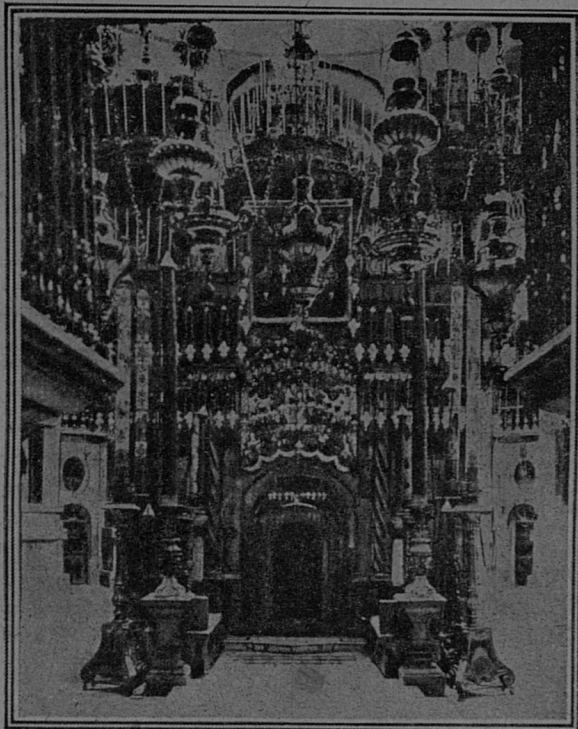
И солнце спѣвомъ утираетъ

Лицо румяное свое...

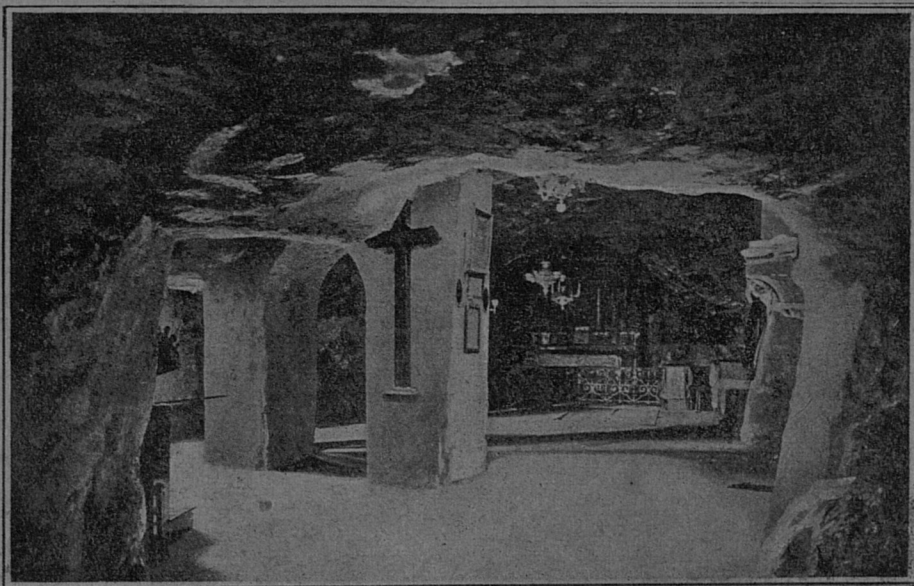
Въ Батумѣ знакомый грекъ, агентъ пароходной компаніи, взманулъ ихъ:

— Хотите побывать въ Константинополь? Садитесь: довезу даромъ.

Поѣхали. Сильно качало моремъ. Маленькій пузатый пароходикъ шелъ съ заходомъ во всѣ гавани Апатоліи и стоялъ въ нихъ подолгу. Капитанъ-грекъ угощалъ друзей мастикою, розовымъ вареньемъ съ водою, кормилъ маслинами и крою изъ баклажановъ, поилъ хіосскимъ виномъ. А они ему разъ по десяти на день дѣли «Египтянку», отъ которой онъ приходилъ въ азартъ и, съ выпученными глазами, съ свирѣпо

Входъ въ гробъ Господень.

Пещера Страстей Господнихъ, гдѣ Іисусъ Христосъ получилъ предательскій поцѣлуй съ Іуды.

Пещера представляетъ собою углубленіе въ скалѣ, въ которомъ, согласно преданію, остались на ночлегъ ученики Христа, въ то время, когда, взойдя на Масличную гору, Онъ молился за людей. Здѣсь возвращенія Спасителя ожидалъ Іуда и предательски поцѣловалъ Его.

восторженными усами, плясалъ на палубѣ, ужасно топоча пятками въ туфляхъ безъ задковъ. А на сонъ грядущій самъ пѣлъ что то длинное и гнусавое по-новогречески, отъ чего горько плакалъ. Тогда Пафнутій рассказывалъ ему наизусть какое нибудь занимательное «житіе», либо читалъ оду «Богъ», подъ которую грекъ благополучно и глубокомысленно засыпалъ. Видя въ грекѣ такое философическое настроеніе, Пафнутій хотѣлъ было, для разнообразія, потѣшить его одою «На смерть князя

Гдѣ столь былъ явствѣ,
тамъ гробъ стоять,
Гдѣ пиршествъ раздавалъ
лики,
Надгробные тамъ воють
клики,
И блѣдна смерть на
всѣхъ глядитъ,—

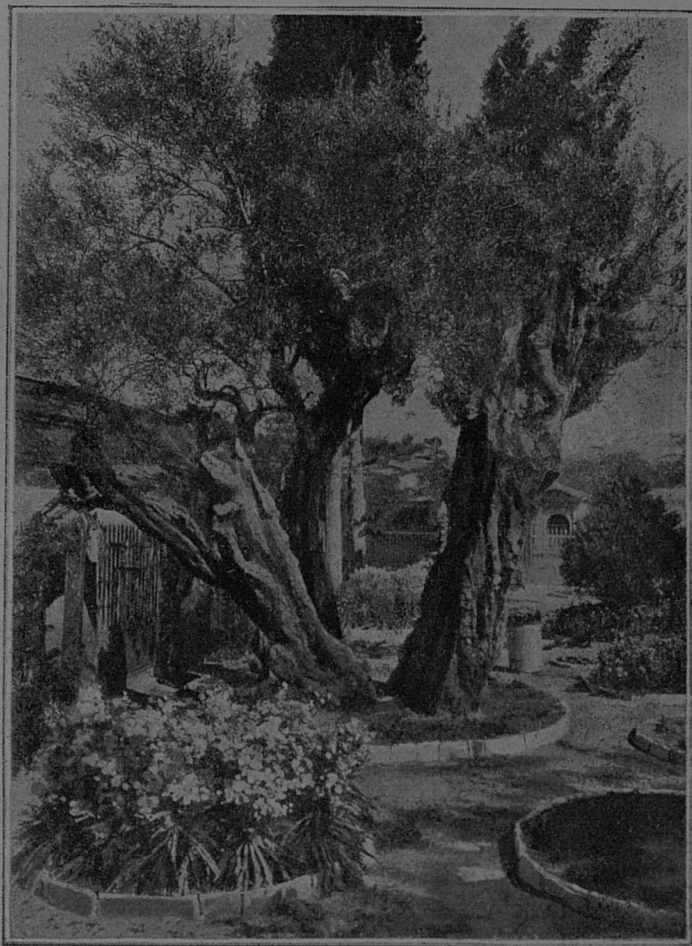
грекъ завопилъ жалобно-прежалобно, точно ребенокъ, оставленный въ темнотѣ:
— Дѣлай милость,
бери три рубля, толь-

ко замолчи!
Зачѣмъ пугаешь?
Нельзя пугать! Очень страшно!

Полюбовались отлученною Визанціею, покружили по Болгаріи, Сербіи, Румыніи. Въ Яссахъ, между Рождествомъ и Новымъ годомъ, Агашу пристигли вторые роды—дѣвочкою, которая тоже не зажила на свѣтѣ и осталась въ землѣ тамъ, по ту сторону русскаго рубежа... Агаша какъ то не успѣла привыкнуть къ дочкѣ и приняла смерть ея равнодушно, но Пафнутій былъ очень огорченъ.

— Это оттого, что все то мы, бродяги, на походѣ!—жаловался онъ.—Пора намъ съ тобою, Агашенька, охъ, пора найти нашествъ и уѣхать на покой...

Во святомъ градѣ Іерусалимѣ.

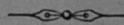
Уголокъ въ саду Гевсиманіи.

Садъ занимаетъ около трети акра и окруженъ оштукатуренной стѣной, разрисованной картинами изъ жизни Іисуса Христа. Онъ находится подъ контролемъ францисканскаго ордена. Въ немъ сохранились до сихъ поръ восемь многовѣковыхъ масличныхъ деревьевъ—прямыхъ потомковъ тѣхъ деревьевъ, подъ которыми стдыхалъ Іисусъ Христосъ.

На что Агаша неизмѣнно отвѣчала:
— Садись, если усталъ, а я еще молодъ,—полетаю!

Но—увы!—въ скоромъ времени они, всетаки сѣли... Да такъ буквально и прочно сѣли, что больше уже ввысь то и не поднялись. Воззавидовала судьба вольному стремленію перелетныхъ птичекъ, схватила ихъ силками коварными и неожиданными и предала ихъ въ руки человѣческія. А человѣческія руки разсѣли ихъ, съ подрѣзанными крыльями, врозь по клѣткамъ, тѣснымъ, душнымъ, для вольной птицы убійственнымъ...

Александръ Амфитеатровъ.

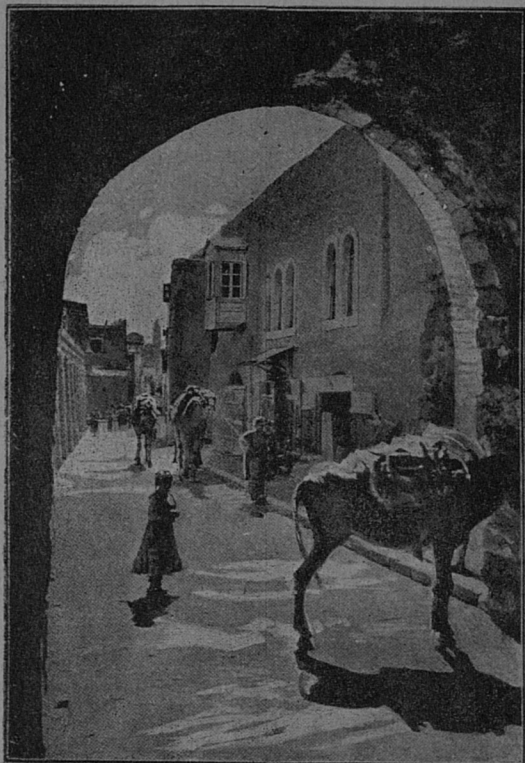

Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Огонька» будетъ помѣщенъ рассказъ

А. В. АМФИТЕАТРОВА

„Мамка наслѣднаго принца“,
являющійся продолженіемъ
рассказа

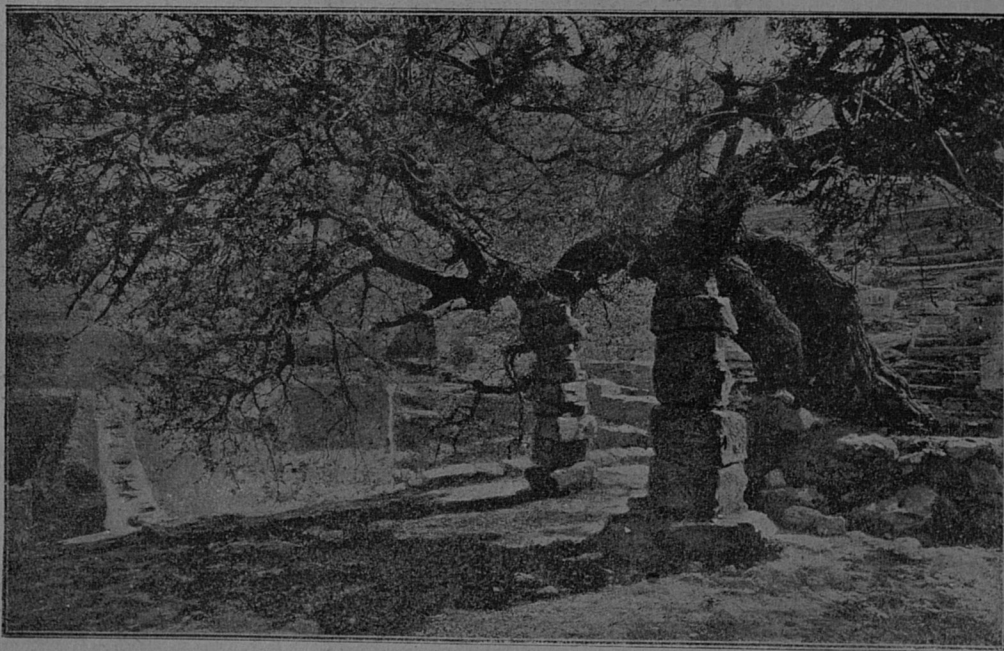
„Счастливые бродяги“.

Типичная улица стараго Іерусалима.

Одна изъ самыхъ бойкихъ торговыхъ улицъ города; расположена въ Тироейской долинѣ, соединяющей возвышенную и низменную части города.

Мещерскаго». Но—съ первой же строфы грекъ сталъ стучать зубами и дрожать всѣмъ тѣломъ. А когда Пафнутій дошелъ до:

Старое тутовое дерево въ Силоамѣ и грязевой источникъ—Еупель Силоамская.

Источникъ былъ вначалѣ квадратнымъ, и возлѣ него остались руины храма V-го вѣка. Около источника, поддерживаемое подпорками изъ камня, стоитъ старое тутовое дерево, которое, по іудейскому преданію, указываетъ на мѣсто, гдѣ подвергся мученической смерти пророкъ Ісайя.

РРДЕТРВШЕ ЛИСТЪЯ.

Вас. Ив. Немировича-Данченко.

1.

«Когда міръ былъ молодъ».

Нѣтъ ничего нелѣпѣ этого. Онъ былъ взрослымъ и зрѣлымъ, когда человѣка не было. Еще не существовало сознанія и воспріятія.

Пековъ въ германскихъ рукахъ.

По фотографіямъ для „Огонька“

Король Леопольдъ Баварскій на смотрѣ въ Псковѣ.

Въ отдаленіи, на противоположномъ концѣ площади, стоитъ группа представителей города Пскова въ ожиданіи пріема.

Первая встрѣча русскихъ славянъ съ нѣмцами на полѣ брани произошла ровно 900 лѣтъ тому назадъ: псковичи и новгородцы, въ числѣ 20 000 человѣкъ въ 1217 г. впервые бились съ нѣмцами подъ Унганійскимъ городомъ мѣ Оленъ и хотя не одержали рѣшительной побѣды надъ новымъ своимъ врагомъ, но все же заставили магистра Ливонскаго ордена Вольквина съ рыцарями удалиться домой.

Съ тѣхъ поръ у Пскова, какъ передового бойца за славянскіе интересы, началась упорная борьба съ нѣмцами, длѣвшаяся до сего времени. Горячо любившіе свой родной городъ, съ храмомъ св. Троицы, основаннымъ величайшею изъ русскихъ женщинъ псковитянкою св. Ольгою Всероссійскою, псковичи въ теченіе многихъ столѣтій упорно отстаивали его, пока онъ не пересталъ быть пограничнымъ городомъ съ присоединеніемъ Петромъ I Прибалтійскаго края къ Россіи.

Они окружили Кремль, а за тѣмъ и весь городъ сперва деревянными, а потомъ каменными стѣнами и почти ежегодно съ успѣхомъ отбивали набѣги ливонцевъ, стремившихся еще тогда овладѣть Псковомъ и Новгородомъ, а затѣмъ и великимъ воднымъ путемъ изъ Балтійскаго моря въ Черное и въ Царьградъ; въ 1581 г. Псковъ съ невѣроятнымъ мужествомъ выдержалъ долгую и упорную осаду несмѣтными полчищами польскаго короля Стефана Баторія, а въ 1615 г. прогналъ отъ своихъ стѣнъ образцовую 15-ти тысячную армію шведскаго короля Густава Адольфа. Стоя у самаго рубежа нашихъ владѣній, Псковъ за тысячелѣтнее свое существованіе всего лишь разъ былъ занятъ нѣмцами и то вслѣдствіе измѣны новгородца Твердилы Ивановича, тайно открывшаго врагу городскія ворота. Но не долго сидѣли

Когда явились они,—міръ былъ уже старъ и насчитывалъ милліарды, а, можетъ быть, милліарды милліардовъ вѣковъ.

Мы его молодостью называемъ свою. Юношѣ всякій міръ молодъ, потому что онъ отраженіе его только что раскрывшейся солнцу и свѣту души.

2.

Вся культура человѣчества родилась на югѣ.

Въ Индіи, въ Южномъ Китаѣ, на Тигрѣ

и Евфратѣ, въ

Центральной Аме-

рикѣ, на

сказоч-

ныхъ ос-

тровахъ

Атланти-

ды, во-

кругъ

Средизем-

наго моря.

Ее созда-

убіи́ствъ или абортѣвъ.

Таблицы гра-

валосолн-

це и толь-

кихъ открытій

Скіапарелли.

Выводы

Дарвина нима-

ло не отдалили насъ отъ

прародительницы обезьяны и спектраль-

ный анализъ еще ни разу ни остано-

вилъ войны.

на сѣ-

веръ, но

да скрещивались съ научными работами,

и тамъ

она вѣчно

тоскова-

ла и тос-

куетъ о ея прекрасныхъ колыбеляхъ.

Вся наша исторія искусства и разума — эстетическій голодъ, властное и неудержимое стремленіе къ пышному поэтическому югу. Тамъ выросло все, что составляетъ прелесть и радость жизни. Печаль объ отечествѣ красоты гонить насъ къ ласковымъ теплымъ берегамъ, къ ихъ пальмамъ и кипарисамъ, къ мраморнымъ лѣтописямъ завоеваній человѣческаго духа.

3.

Великія открытія науки ничего не измѣнили въ душѣ человѣка, не создали ни одного новаго, не уничтожили и не умалили ни одного стараго чувства.

Міръ раздвигаетъ уму и наблюденію свои границы—но нравственность остается тою же. Техника не мѣняетъ потребностей человѣка, она только удовлетворяетъ ихъ лучше или хуже, проще или сложнѣе, но онъ все тѣ же. Величайшія завоеванія Ньютона, Галилея ни на одинъ процентъ не понизили цифру убіи́ствъ или абортѣвъ. Таблицы гравалосолнца и воровства не колебались отъ великихъ открытій Скіапарелли. Выводы Дарвина нима-ло не отдалили насъ отъ прародительницы обезьяны и спектральный анализъ еще ни разу ни остановилъ войны.

Нравственныя эпидеміи человѣка иногда скрещивались съ научными работами, но нима-ло не зависѣли отъ нихъ. Другое дѣло физическія—чума, холера—поддаются неустоимому уму,—но тѣ же чума и холера въ области нравствен-

Король Леопольдъ Баварскій принимаетъ представителей города Пскова.

Представителямъ муниципалитета, или, какъ ихъ называютъ въ городѣ, „совѣту министровъ“ долго пришлось ждать бесѣды съ королемъ. По разсказу очевидцевъ, король нѣсколько разъ проходилъ вблизи депутаціи, не замѣчая ея.

города, его соборъ св. Троицы съ древнимъ иконостасомъ дивной рѣзбы, съ массивной серебряной гробницей св. князя Всеволода-Гавріила, гробницами Довмонта-Тимофея и юродиваго Николы-Салоса, не убоявшагося сказать правду грозному царю Ивану IV? Будутъ ли въ сохранности остатки древностей въ многочисленныхъ псковскихъ монастыряхъ и церквахъ и все съ любовью собранное псковскимъ археологическимъ обществомъ въ его музеѣ въ древнемъ зданіи Поганкиныхъ палатъ?

И. Поножинъ.

ности остаются за пределами досягаемости.

Чѣмъ глуховскіе мужики или севастопольскіе матросы лучше дикарей Чингиса и Атилы?

4.

Человѣчеству нужны не боги, а лики божества...

На алтаряхъ невѣдомому богу въ Элладѣ спали козлы и копился голубиный пометъ, а таинственному сфинксу вѣка прежде всего отбили носъ...

5.

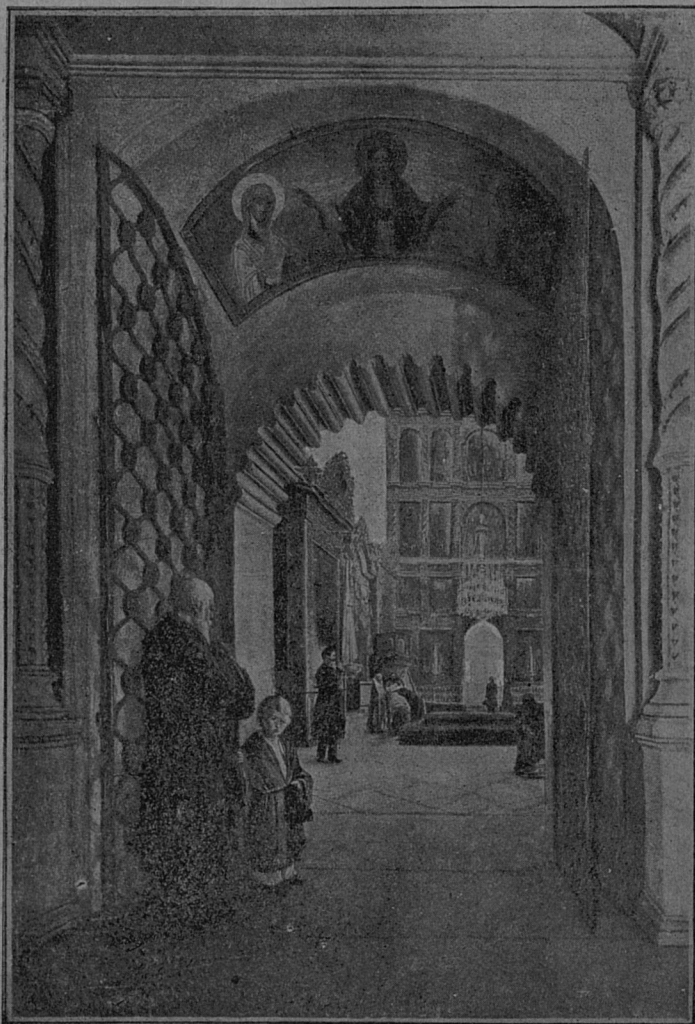
Гибель Содома и Гоморры съ ихъ земною престелью — безсиліе неба въ борьбѣ съ сатаною. Оно должно было истребить, сжечь и затопить свинцовыми мертвыми водами лучшую свою имъ же созданную обитель, чтобы, уничтоживъ сотни тысячъ жизней, выдворить сатану въ другое мѣсто...

6.

Нѣкоторые отцы церкви говорятъ, что дьяволъ находится на службѣ у Бога.

И бы не держалъ такого пастуха.

Онъ во всякомъ случаѣ обогащается насчетъ стада Божьяго и разоряетъ хозяина.

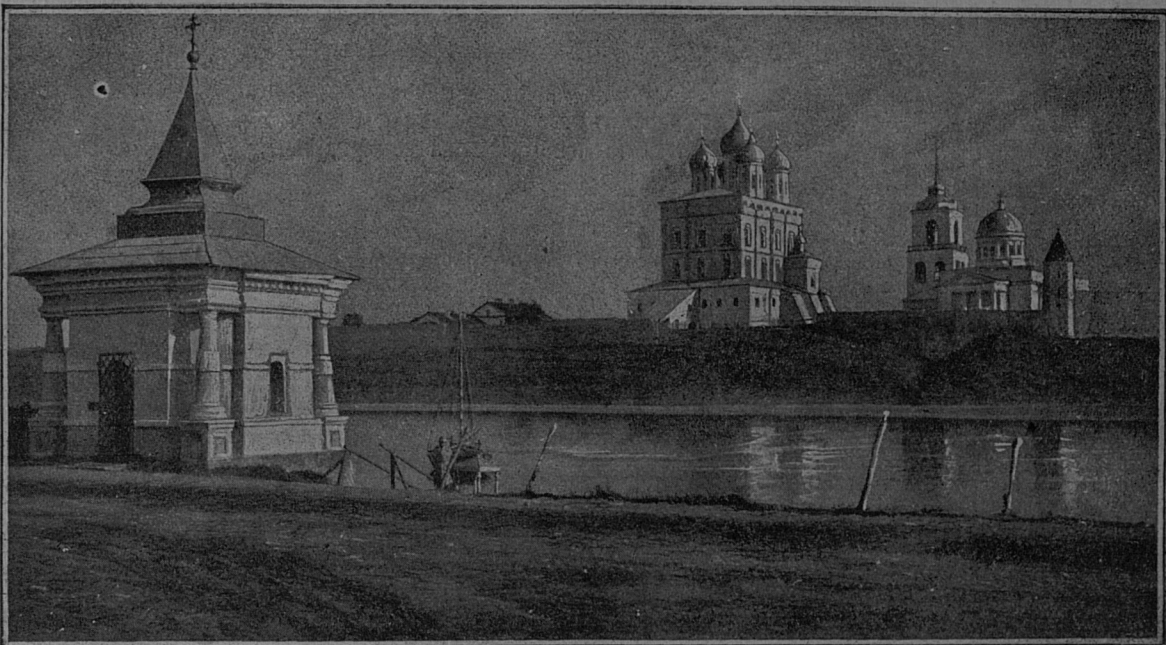

Соборъ Св. Троицы въ Псковѣ.

По картинѣ худ. Д. С. Жукова, удостоенной премии Академіи Художествъ въ 1852 г. и составляющей собственность автора замѣтки о Псковѣ И. Поножина.

Псковъ въ германскихъ рукахъ.

По фотографіямъ.

Справа видна Кремлевская стѣна; слѣва—на другомъ берегу рѣки—часовня во имя св. княгини Ольги. Въ центрѣ—храмъ Св. Троицы, сооруженный св. благовѣрной кн. Ольгой въ 958 г.

Храмъ Св. Троицы былъ для псковичей такою же святыней, какъ храмъ св. Софіи для новгородцевъ: псковичи шли на войну по благословенію Св. Троицы; ратныя побѣды приписывали они милости Св. Троицы; въ Троицкомъ соборѣ или горахъ него, на вѣчѣ, вершились государственныя дѣла Пскова; въ соборѣ сажались на княженіе князья Псковскіе; въ сѣняхъ Св. Троицы находился особый ларь, въ коемъ хранились всѣ государственныя особыя важности акты, договоры и законы. Вообще „домъ Св. Троицы“ имѣлъ тѣ же важное значеніе въ древней исторіи Пскова, что владѣнія Псковскія именовались „землею Св. Троицы“.

Храмъ имѣетъ въ высоту 36 сажень и кажется очень высокимъ потому, что стоитъ на высокомъ холмѣ при слияніи рѣки Псковы съ рѣкою Великой, и съ западной стороны Псковъ виденъ за 57 верстъ.

7.

Огненно - красные маки, дѣвственно бѣлыя лиліи, искривившіяся въ смертельныхъ судорогахъ и одеревенѣвшія въ агоніи масляны, нѣжныя, тонкія пальмы и молитвенныя кипарисы, эти сложенные въ вѣчномъ благовѣніи ладони земли передъ великою тайною неба...

И надо всѣмъ бѣлые голуби Идумей, сверкающіе въ прозрачной синевѣ.

Плоская кровля у гремучаго ключа, питающаго жизнь.

Много ли нужно для счастья? А мы строимъ каменные тюрьмы, задыхаемся въ дыму фабрикъ, оставляемъ на каждомъ булыжникѣ сковавшихся землю кандаловъ брызги своей чистѣйшей крови и капли святого трудового пота — пока вдругъ не откроется могила—черная нора въ зловѣщее царство смерти.

8.

Сны не нужны молодости.

Она ихъ рѣдко видитъ.

У нея есть мечта, потому что царство мечты въ розовыхъ зоряхъ будущаго. У старости нѣтъ мечты. Мечта и могила не уживаются.

У старости—сны. Они обманываютъ ее призраками молодости.

И потому, когда юноша встаетъ съ постели, улыбаясь новому дню, новой мечтѣ, старикъ просыпается разочарованный и печальный.

Сонъ отлетѣлъ, а явь ставить передъ нимъ роковой вопросъ:

— Не сегодня ли?..

Вас. Немировичъ-Данченко.

* * *

Угасаетъ свѣтъ вечерній,
Подползаетъ сумракъ жуткій,
Затихаетъ говоръ черни,
Грубый смѣхъ надъ пошлой шуткой.

Счастья призрачныя тѣни,
Встали дни пережитого...
Плачьте, станьте на колѣни
У распятія святого.

А. П.

Въ слѣдующемъ № 17 „Огонька“ будетъ напечатанъ только что законченный фантастическій рассказъ А. И. КУПРИНА „Старость міра“ съ иллюстраціями худ. С. П. Лѣзгина.

сожженной закалочной кожи несет эта ржавая сине-розовая вода, отравляющая легкия дѣтей и взрослых на многія улицы.

Издаливъ сизомъ, свѣжемъ небѣ видѣются черные профили огромныхъ заводовъ.

Трубы какъ изъ хлопьевъ сажы вытѣплены. Корпуса вытянуты словно долгими старательными мазками туши.

Только по тому, что земля такъ грустна, сѣра и печальна и далекіе предметы такъ густо вычернены, можно понять въ этотъ удивительный, свѣтлый и нарядный часъ, что это не сумерки, а глубокая ночь.

Покосившіеся деревянные домики пахнутъ такъ же тяжело и неопредѣленно, какъ и лужи подѣ горбылями мостковъ...

Запахъ квашенной капусты, тухлыхъ щей, солонины, выданной по кооперативнымъ карточкамъ, такъ и плещетъ со дворовъ.

На дворахъ тоще покачиваются осины, со спящими не сытыми воронами. Каждое воронье гнѣздо, черное, какъ мужичья шапченка, вырѣзывается явственно на пологѣ огромной небесной бирюзы.

На минуту улеглись покорно всѣ запахи нужды, голода, работы, тупой жизни...

Потомъ рвануль игривый вѣтерокъ и донесъ смрадь свалокъ. Можетъ, быть, повѣяло оттуда, съ Невы, или издадека отъ Гребного Поля.

А вонь, вдалекѣ, замаячили голубыя лунныя фигурки. Головы ихъ расплываются въ неопредѣленныхъ полуолахъ, а ноги четки. Приближаются полудантомы, полубабы, въ подвернутыхъ и отъ росы отсырѣвшихъ юбкахъ. Головъ ихъ не видно; замѣсто подушечекъ — растутъ цѣпляющіяся свѣжія вѣтки. Съ каждымъ шагомъ все безобразнѣе вырастаютъ лохматыя головы.

Вглядываешься и видишь — бабы несутъ вѣтви черемухи.

Очаровательный, пьянящій, какъ тонкое бѣлое вино, запахъ побѣдно льется по унавоженной избитой мрачной дорогѣ.

То пахнутъ бѣленькіе лепестки, желтенькая пыльца, свѣжіе листы, еще втягивающіе живо воздухъ.

Въ сорока верстахъ отъ голоднаго Петрограда равнодушная земля родитъ равнодушно-прекрасныя цвѣты.

Городскія бабы, когда-то въ давніе годы бродившія по окрестностямъ Питера — въ поискахъ весеннихъ сморчковъ и крапивы для щей, бывали и въ этихъ заросляхъ — въ сторонѣ отъ Невскаго шоссе.

Много тутъ въ толпѣ бодро шагающихъ молодухъ и пожилыхъ бабъ, увязавшихся за молодежью.

Хорошій, легкій и веселый заработокъ!

Побродить среди мокроватыхъ зарослей черемухи, надергать вѣтокъ, послушавъ чиликаніе бодрой птицы, тоже не спящей заворуженно по бѣлымъ ночамъ...

Давно, лѣтъ сорокъ назадъ, ходили эти бабы, подростками, на тотъ же промыселъ дергать черемуху.

Несли въ сытый избыточный городъ и возвращались по шоссе, по которому гнали телѣги съ картофелемъ, деревенскими караваями, масломъ, битой птицей, яйцами изъ колоній, свѣжей невиской рыбой.

А теперь пусто.

Ни крошки хлѣба. Одни цвѣты.

На рынкахъ, гдѣ мажутъ жабы давно подгнившихъ щурятъ телячьей кровью, чтобы рыба казалась свѣжѣй, гдѣ торгуютъ сиреневаго цвѣта солониной и посребками квашенной капусты — отъ голоднаго покупателя къ изнуренному покупателю — ходятъ бабы съ пучками черемухи и предлагаютъ:

— На полтинничекъ полный букетъ... Далеко промышляли! Поддержите!...

Голодный взоръ безмысленно и мутно упирается въ росистые, граціозно склонившіеся полукруглые листы:

— Что? Солонина? Мытые бычки кишки?

— Нѣтъ. Цвѣточки черемухи!.. Цвѣтеть черемуха!..

— Нѣтъ. Не нужно. А впрочемъ...

Лицо раздвигается болѣзненной улыбкой и испитыя губы кривятся въ насильственной усмѣшкѣ:

— А впрочемъ... дайте, что ли...

Покупательницы уходятъ опечаленно съ рынка съ пустой корзиной, въ которой съ грохотомъ перекатываются нѣсколько картофелинъ.

За церковью «Бориса-Глѣба» и дальше, за мостъ Петра Великаго, паутинно и тонко рѣжущагося на молочномъ пространствѣ Невы, — телѣги, возы, корзины.

Тутъ же за мостомъ, бросающимъ межъ голубымъ небомъ и синева-мутной рѣкой волшебнo-летучую свою тѣнь, повторяющую уборъ желѣзныхъ фермъ, приткнулась конторка пароходная.

Сюда пристають пароходики по ночамъ и къ полудню. Вотъ и сейчасъ по заревой рѣкѣ, покрытой кое-гдѣ вишневыми штрихами непогасшей зари, ждуть маленькій пароходикъ.

Онъ идетъ каналами. Войдетъ въ рѣку.

Шель Ладогой.

И всюду ему свѣтло сплошнымъ молитвеннымъ свѣтомъ неугасимое, какъ лампада передъ ракой святого, небо.

Пароходикъ изъ становища рыбаковъ Новой Ладоги до голодной столицы идетъ около трехъ четвертей сутокъ, и все время день сопутствуетъ ему и не нужны огни, ни зеленые, ни красные мореходные огни.

Видно и подалеку — кто и какъ идетъ и куда идетъ... Развѣ вотъ только туманъ съѣсть бѣлую ночь!

Рыбаки — перепродавцы спятъ, скорчившись отъ ледяныхъ ласкъ ночи, уберегаясь у машины, вздыхающей тепломъ...

На верху, на палубѣ, свѣтло очерченная съ блескомъ зари на спинѣ видѣется фигурка капитана.

Въ каналахъ сплошнымъ просвѣтленнымъ стекломъ легла вода, словно хрустальные сказочные ларцы сдвинуты другъ къ другу...

Какъ тихо и бережно разсѣкаетъ пароходикъ, продышавшійся новымъ прутомъ и рыбьей слизью, эту очаровательную воду, слабо расцвѣченную зарей, мѣняющей бѣгло мѣста на склонахъ неба.

На пароходѣ помимо многочисленной прислуги и бойкихъ ново-ладожскихъ торговцевъ да двухъ-трехъ рыбаковъ, присѣвшихъ гдѣ-нибудь въ Шлиссельбургѣ, мало живыхъ существъ.

И съ каждымъ часомъ — ближе къ Петрограду, — все меньше и меньше становится жизни.

Въ огромныхъ круглыхъ прутьяныхъ корзинахъ и ящикахъ изъ подѣ ростовскаго цикорія и жуковскаго мыла, помирають сиги, корюшка, налимы.

Ихъ сводитъ судорога.

Иногда, какъ величавое дуновение смерти, пролетаетъ по всѣмъ этимъ братскимъ рыбнымъ могиламъ одна сплошная, общая судорога, и тогда настороженное ухо ловить зѣвки, шуршаніе, плескъ хвостовъ, упирающихся скользко въ доски...

Рыба зѣваетъ. Пахнетъ водой, пахнетъ, значить, жизнью. Но доски крѣпко приколочены. Смерть... Смерть...

Пароходикъ на хриповатыхъ басахъ дѣловито реветъ и засвѣтившіеся огоньки на конторкѣ перебѣгаютъ.

Черезъ минуту дюжія руки подхватываютъ кладь.

Немного рыбы идетъ на уху, которую варятъ тутъ же на конторкѣ.

Поднимають кладь на взгорокъ, грузятъ, и мимо Смольнаго везутъ въ городъ, потомъ — на рынки.

Живую рыбу пускаютъ въ садки, дохлую, плавающую вверхъ перламутровымъ брюхомъ, кладутъ на ледъ и ждуть угренняго покупателя.

Свѣтитъ равнодушно свѣжее небо.

Бѣлая ночь глядитъ рыбнымъ глазомъ. Четки крышъ рынковъ.

Тянутся голодные женщины со всѣхъ сторонъ.

Покупають по карточкамъ хлѣбъ, покупають рыбу на уху; покупають черемуху, покупають желтую золотянку...

Бѣлая ночь, ослѣпленная днемъ, причется на нѣсколько часовъ.

Авгурь.

„Утопія отказывается от крыльев и сходит на землю...“.

Наблюдения убежденного идеалиста.

„Шел дождь и два студента. Один в университет, другой в галошах“. (Петербургская шутка).

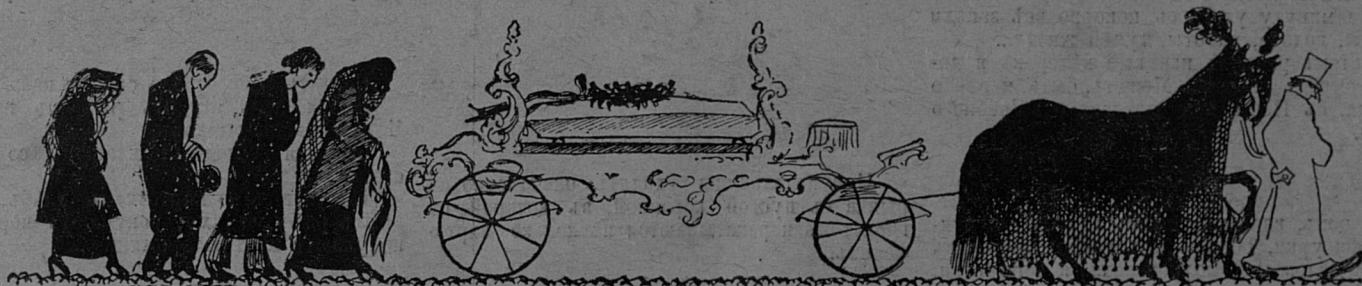
МОЛОЧНЫЯ РЪКИ И..... КИСЕЛЬНЫЕ БЕРЕГА

БУРЖУАЗНЫЙ СТОЛЪ ПОТЕРЯЛЪ ВСЯКОЕ ЗНАЧЕНІЕ И НАВОДИТЪ ОДНУ СКУКУ

БОЛЬШИНСТВУ СТАЛИ ДОСТУПНЫ РЫСАКИ

ТОРЖЕСТВЕННЫЯ ПРОЦЕССІИ НА КАЖДОМЪ ШАГУ

СЪ ТОВАРИЩАМИ ДѢЛЯТСЯ ПОСЛАДНЫМЪ.

ВСЕЪ НАРОДЪ ВЕСЕЛИТСЯ ДО УПАДУ

Рис. для „Огонька“ худ. Г. БОЧКАНОВА.